

18+

Алексей Чернов

Чёрное и Белое

Часть 2

Алексей Чернов
Чёрное и Белое. Часть 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68719038

ISBN 9785005916235

Аннотация

Жизнь – это судьба? Или судьба, сотворённая нами? А сможем ли мы ответить на этот вопрос после смерти? А узнаем ли мы точный ответ при жизни?

Содержание

ЧАСТЬ ВТОРАЯ	5
ЗАКАТ	5
1. СМЕРТЬ	10
2. ДА СВЯТИТСЯ ИМЯ ТВОЁ!	17
3. ВЕЛИКАЯ ПРЕЛЕСТЬ СПОКОЙНОЙ ЖИЗНИ	53
4. ШУДА, ДОБРОТА И ПРЕДАТЕЛЬСТВО	67
5. БАРАК НОМЕР ТРИ	81
6. КОРОЛЕВСТВО КРИВЫХ ЗЕРКАЛ	89
7. ЖИЗНЬ – ВОЛШЕБНАЯ ДОРОГА	102
8. ИЗМЕНЧИВОСТЬ ШУДЫ	109
9. ПОСЛАНИЕ СМЕРТИ	118
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Чёрное и Белое

Часть 2

Алексей Чернов

© Алексей Чернов, 2022

ISBN 978-5-0059-1623-5 (т. 2)

ISBN 978-5-0059-1622-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЗАКАТ

В затухающем сиянии родной звезды есть нечто мистическое. Отсвет вечерних лучей – угасающий и блеклый – создаёт ощущение нереальности происходящего. Насквозь пронзив «спящий» город, лучи опускаются всё ниже и ниже, не оставляя шанса на дальнейший «сон», попутно преобразая мизерные, для колоссального гиганта – солнца, и огромные, для «колоссального гиганта» – человека, унылые дома. Слуги светила вовсе не пытаются задержаться в стеклянных одинаковых пластинах этих домов. Поспешно покидая их, они не создают магическое сияние заката, которое миллиарды лет являлось его фирменным знаком. Тёплой ауры, которая должна присутствовать при этом таинстве, нет и в помине. Вот уже как 300 лет она никому не нужна. Никому не нужна её фантастическая мощь и сила. Трепет и дрожь, бесцеремонно хватающие за горло любого, кто наблюдал за Закатом, ушли в неизведанные древние времена. Красота всепоглощающего зрелища смазалась фотонным оттенком фотонной реальности. Фотонный закат, из-за своей круглосуточной доступности перестал дарить людям волну необъяснимой энергии, которая, разбушевавшись, заливала

все уголки естества и доисторическим цунами смывала в сознании всё, кроме лапочки-Души. Невозможно переоценить красоту Заката, как и невозможно его недооценить. Ему попросту невозможно дать какую-либо детальную оценку. Он обычен, вот и всё. В самом этом волшебном действе, будут участвовать, всего лишь, несколько лиц. Всё в нём очень просто и естественно. Взявшись за виртуальные руки, виртуальным людям не придёт после Заката осознание того, что они столько лет не наблюдали его, и относились к нему так, как будто бы его и вовсе нет. На них не будет обрушиваться никакой хлёткий глубокий удар, и слёзы, не текут по их впалым, серым щекам. Этот удар должен был на миг уничтожить и превратить в пыль всё то, что произошло с ними в прошлом и превратить в прах все их тревоги за будущее. Но этого ничего нет. У них нет прошлого – они виртуально познакомились несколько минут назад – у них нет тревог за будущее – будущее выстроено с момента рождения до самой смерти. Момент Заката происходит здесь и сейчас, прямо на их глазах, но они не чувствуют, как он нагло вклинивается в их вечно веселящуюся память. Расплавленным металлом картинка не отпечаталась в мозгу, и будет забыта через две дальнейшие мысленные команды. Хоть десять закатов в день! Ценность будет утеряна через два подряд.

Тяжко опустившись за стеклянными домами, убийца Земли непринуждённо превращает их в отвратительные создания. Невозмутимые. Имея в своём распоряжении жалкое ко-

личество лет, они стыдливо, представляют на всеобщее обозрение свою ущербность и уныние. Свои однообразные формы и до нервного срыва скучные пейзажи.

Закат опустошает, замечающих его.

Стараясь быстрее скрыться за горизонтом, Солнце падает за небесный свод и облегчённо вздыхает. Дома и домишки, занятые длинными тенями, мгновенно преобразившись, становятся похожими на колоссальное кладбище конца двадцать третьего века. Настоящими крематориями души. Настоящими убийцами воли.

Когда твой псевдо-ясный, и псевдо-расплывчатый взгляд дойдёт до этой картины, то никаких мурашек, к слову сказать, которые не бороздили твоё существо, уже как целый век, не проникнут под кожу и не застынут там, по всему силуэту твоего, прекрасного виртуального тела. Ты не будешь ощущать одновременно два противоположных состояния – фантастическую усталость и невероятный прилив сил. Такое никогда не запоминается. Ноги, как твоя родная часть физического тела, не будут подкашиваться от фотонной картинки, и сила, таящаяся в груди, не будет сообщать тебе, что ты всемогущ! Руки не будут закрывать твоё прекрасное лицо, теряя свою крепость, и сознание не будет устраивать фееричный, невообразимый праздник жизни. Внутренний твой пластилиновый стержень и не подумает распрямляться, выгоняя из тела всё ненужное и копившееся в нём годами. Первобытная энергия, уничтоженная техно-человеком, не будет

говорить тебе о твоём хламе, глядя тебе в лицо. Она не будет смеяться над ним и не даст понять, что все твои трудности и цели никчёмны. Унификация. Анти-Катарсис.

Извиваясь серебряной цепочкой, ужасней которой не сыскать, по родной планете умиротворённо шумят миллионы электропроводов. Упрямо и настойчиво, они пробивали себе дорогу, пока исполин-Человек не принял их, как своих. Сотни лет они утверждали это право, пока они не стали неотъемлемой частью этой планеты и этих домов. Раздавая богатство, дешевле которого ничего и нет, импульсы торопятся дарить смерть настоящему Человеку. Невидимые и опасные – они играючи перепрыгивают через отполированных людей. Люди же теперь лишь способствуют их распространению. Мнимый мир преодолел трудности пути. Нырнув в эту ложную вселенную, ты пытаешься уловить её малейший звук, её малейшее движение, ведь они проливают бальзам на твою веселящуюся душу. Ты слышишь и чувствуешь, но вокруг царит абсолютная тишина. Тебе кажется, что ничего вокруг нет и, в то же время, есть всё, о чём ты мог только мечтать. Ты уверен, что здесь нет ничего лишнего и всё, абсолютно всё находится на своих местах. И этот хрупкий мир с нестигаемой волей к жизни; мёртво рождённая богиня, которой поклоняются все. И несвободный, неодоухотворённый лес, хозяин у которого твоя мысленная команда. И наблюдающий гордый и сильный твой фотонный орёл, что смотрит на тебя с вершины не настоящей, фотонной горы, духом ко-

торой он не является.

Все они знают, что ты здесь. Они ЗНАЮТ КТО ТЫ!

– Время возвращаться – прозвучал голос из «другого» мира – завтра на работу, проскрипел «Помощник» и отключил персональный источник фотонов.

1. СМЕРТЬ

Новоград. Среди множества одинаковых домов, с отполированной поверхностью, стоит невзрачное на вид, одинокое здание церквушки. Её купола и кресты больше не зажигает, мистическим огнём, мистическое светило. Больше никто не удивляется красоте посеребрённого креста при яркой озорной Луне. Усталой, шаркающей походкой, в своей неизменной чёрной рясе, в это пустынное здание приходит, всего за несколько месяцев сильно постаревший, сгорбившийся старичок. Внешне было сложно назвать отца Георгия старичком. Крупное телосложение, далеко не жидкая борода и волосы – чёрная смоль с сединой – уж точно не рисовали образ старика. Вся боль заключалась лишь в том, что никто не смотрел, и боль эта вне возраста. Она исказит образ, а вернее обезОБРАЗит его. Он сидел на стеклянной лавке, и обводил взглядом убогую городскую архитектуру. Вокруг не было ни одного деревца, насекомого, животного, человека. Только несколько ненавистных мониторов – дань уважения «древнему» человеку, за которого и считали священника – прокручивали, надоевшие до отвращения, высказывания мудрецов прошлых тысячелетий.

– Интересно, знали они все о настоящей печали и тоске? – грустно подумал батюшка – эти Аврелии, Цицероны и Паскали? – перечислил он тех, кто явился в его мир, как авторы

транслируемых изречений.

Мимо пронеслось аэротакси, которое сбило его с мысли, о великих гениях прошлого и он мгновенно переключился на настоящее. Батюшка задрал голову вверх и наблюдал за редкими машинами, которые беззвучно пролетали в вышине.

– Надо же, эти ненавистные мне машины, 200 лет назад вызывали восхищение у людей. Теперь миллиардам человек нет до них, ну вот совершенно никакого дела и только я их искренно ненавижу.

Он усмехнулся, вдруг подумав, о том, что будь эти машины одушевлёнными, они бы любили всего лишь одного человека, на этой металлопластиковой планете Земля. Они бы любили ненавидящего их, потому что он проявил, по отношению к ним, хотя бы что-то! Отец Георгий зло высматривал, этих крайне редких, в этот ранний час, металлических птиц. Увидев их, он вглядывался в их чёрные окна, через которые невозможно было увидеть ни единого лица. Батюшка вновь грустно призадумался.

– Как странно всё получилось.

Дальше в его мыслях рождался лавинообразный каламбур с подведением промежуточных итогов.

– А ведь, по сути, это первое в моей жизни испытание, которое было послано мне Богом, а я уже на грани провала.

Калейдоскоп мыслей вновь врывается в сознание священника и заканчивается мыслью.

– Как странно всё в моей жизни получилось.

Он замер, не сводя глаз с идеально чистой дороги, по которой так редко ступала нога Человека.

Сидел священник на лавке от того, что время открытия церкви ещё не наступило и «Помощник» держал замки запертыми.

– Какой абсурд! Боже, какой же абсурд! – думал отец Георгий – этот электронный болван, созданный живыми идиотами, не впускает меня в здание по моему приходу сюда, а обязательно ждёт наступления той минуты, когда, по чьему-то мнению, необходимо открывать церковь, в которую никто, кроме меня не ходит теперь! Господи, какой абсурд! Более того, этот болван хранит записи посещения моей церкви за триллионы лет – веселил, как мог себя батюшка – мог бы и открывать её, сразу же, как только меня увидит. Ну, нет. Он вытрясет душу.

Суд за пособничество в грабеже был самым странным делом всех новых времён. С одной стороны доказательная база, вроде имелась и, вроде бы само пособничество было «на лицо», с другой же стороны людям было немыслимо выносить на всеобщее обозрение тот факт, что преступление осталось не раскрытым. И в виду чего?! В виду исчезновения человека-преступника прямо на электронных глазах искусственного интеллекта! Поэтому в полном понимании, суда, как такового, не было. Отец Георгий пришёл в суд, к слову сказать, самое закрытое здание в городе, где ему, почти шёпо-

том, так, по крайней мере, сейчас казалось батюшке, объявили предупреждение, и тут же отпустили на все четыре стороны, даже не попросив не разглашать увиденное им своими глазами. Они знали, что в фотонном мире, в котором жила планета, священник не появляется и поэтому угрозы он никакой не представляет. Если даже он и решит изменить свою жизнь и погрязнет в виртуальном мире, то его рассказ, о произошедшем в мире реальном, всё равно посчитали бы, как минимум выдуманным, а самого рассказчика посчитали бы, в лучшем случае, за фантазёра. Да и отец Георгий не собирался делать ничего подобного. Его уже несколько месяцев волновало совсем другое. Его сильнее обычного волновала своя жизнь. Представьте существование, в котором вы, как будто являетесь частью мира людей, но, с другой стороны, вы постоянно находитесь в одиночной камере, которая во сто крат хуже, чем настоящая одиночка, потому что, даже находясь в той, вы иногда видите людей и говорите с ними. Здесь же...

Щёлкнули глупые замки в иное царство, но святой отец уже никуда не торопился. Он с настоящей, тяжёлой тоской разглядывал строения вокруг. Вглядывался в стеклянные, зеркальные поверхности, представляя, что за одним из этих окон на него смотрит незнакомый ему человек и гадает, как же живёт этот странный старик?

– Пусть он разглядывает меня внимательней, позабыв о всяком приличии. Пусть рассматривает мою фигуру и мою

странную одежду. Внимательно изучит моё лицо, рассмотрит мои волосы и руки. Пусть он сделает вывод, который будет напрочь ошибочен... О Боже мой! Как я мечтаю о безтактности! Старой, доброй безтактности! – веселил себя батюшка, но становился всё грустнее.

Это не вмешательство началось триста лет назад и сейчас достигло апогея. Господи! Куда же попадут абсолютно безразличные люди?!

Святой отец грустно улыбался, потеряв всякий счёт времени. Он впервые в жизни не хотел идти в свой храм.

Взглянув на электронное табло, священник, с удивлением обнаружил, что просидел на лавочке два, с небольшим часа. Он тяжело поднялся и крехтя поплёлся к входной двери своего единственного утешения. Что произошло с цветущим и пышущим здоровьем человеком, не знал никто, кроме Бога. Внешне почти ничуть не изменившийся, но уничтоженный внутри, он уже не знал, как жить и где брать силы для жизни. Отец Георгий распахнул дверь, и его обдало запахом родного доброго мира. Доброго, но уже невыносимо одинокого. Священник не знал, как ему прожить этот день. Он торопил, как всегда в таких случаях, непослушное время и когда часы показали без пяти пять вечера, быстро засобирався домой. Какой-то растерянный и уставший шёл он к дверям.

– Всё будет хорошо. Всё будет хорошо, ты слышишь?! Хватит так терзать себя. Давай дома почитаем Писание.

– Отстань ты со своим писанием!

Он вдруг остановился и опёрся на одну из лавочек. Что-то сильно зажглось в груди.

– Всё будет хорошо – ударила отца Георгия простая и непостижимая человеческая мысль.

Сердце уже не билось, когда он упал вдоль рядов, тянувшихся скамеек. Упал как-то странно, без шума и грохота. Как-то совсем обыденно упал. Как будто священник решил кого-то разыграть и, притворившись, замер на полу. Мышцы, на его напряжённом и строгом лице расслабились, и ба-тюшка был похож сейчас на счастливо уснувшего человека. Внезапно напавшая Смерть чувствовала себя ангельским посланником и аккуратно стряхивала с крыльев пепел. Она, безразлично посмотрев на святого отца, отвернулась и тут же позабыла о нём. Кто он? Этот умерший. Какое было телосложение, его возраст и его особенности лица – Смерть уже не смогла бы этого вспомнить, как бы она ни старалась. В образ обязательно бы вклинились миллиарды частей других лиц. Поэтому она даже не стала пробовать. Её уже страстно ожидал другой человек и она, срезав косо́й крылья, изнемогая от злобы, ринулась через пространство, самым коротким путём, который вообще возможен.

Сигнал о смерти человека приняли все службы Новограда и уже через минуту, после остановки сердца, с телом отца Георгия проводились реанимационные мероприятия. Аэроскорая, материализовалась, как будто разорвав реальность перед церковью. Врачи-люди и всезнающие врачи-органики

оказались около спокойного тела святого отца так быстро, что казалось, они всегда были рядом и, как на каком-нибудь соревновании, только и ждали отмашки. Быстрыми и чёткими движениями, они безошибочно работали, пытаясь оживить покойника. Но Смерть выполнила порученное ей дело, доведя его до конца. Кому был страшен результат её труда, Алёшка? Господи, расскажи Алексею о случившемся!

Через распахнутые створки больших дверей, в помещение церквушки, неожиданно ворвался яркий солнечный свет.

2. ДА СВЯТИТСЯ ИМЯ ТВОЁ!

Она ничуть не устала. Ей только несколько досаждало своё же сознание. Точно отмеряя время – через каждую секунду – оно рисовало Шуде только самые ужасные образы. А в образах Шуда знала толк. Она одна из совсем немногих в этом мире обладала высшим образованием. ОБРАЗование. Только истинным рабам Божьим доступно оно в такой мере, что поражает до предела, до мощного выброса адреналина. Избитое клише и убогий картон диплома – Господи! – ни на йоту не приближает людей к истинному знанию, даже если они отчаянно учились. По мере проникновения в мироздание, оно всё более и более усложняется, и я думаю, что это будет длиться тысячи и тысячи лет. Более того, при детальном разборе любой науки, окажется, что Мы вообще ничего не знаем. Мы настолько далеки от главных ответов, что только лишь бегло ознакомившись с «прорывными» открытиями, что теперь случаются каждый день, в сознание непостижимым пока образом, передаётся знание.

– Я знаю, что мы ничего не знаем – сколько тысяч лет назад было сказано это? Ответ не имеет значения. Я уверен, с этой фразой согласились-бы все нобелевские лауреаты, всех времён, потому что они с полным правом, в течение своих жизней, могли это утверждать.

Влетев на пригорок, за которым начиналось поле битвы,

первое, что Шуда увидела – это приближающееся к дымящемуся телу Алексея, колоссальное огненное чудовище. Его всеми силами, безуспешно пытался отвлечь на себя жалкий лучник. Он бежал прямо навстречу чудищу, на ходу посылая свои бесполезные стрелы. Они сгорали ещё на подлёте к цели.

– ШУДА! ВНИМАНИЕ! – грянул внутренний голос – огромная температура и, скорее всего, неуязвимость для поражения привычным оружием.

Она не обратила на свой голос ни малейшего внимания. Она уже неслась навстречу врагу, занимающему высшую позицию в списке когда-либо ею виденных.

– Ты что не видишь?! – гневно задавала вопрос Шуда своему внутреннему оппоненту – Я СПРАШИВАЮ! Ты что не видишь, мать твою?!

Звериным своим зрением, Рыцарь давно подметила, что её возлюбленный не подаёт и малейших признаков жизни. Поэтому всё у неё размылось. Ценность жизни, ценность власти, ценность её планов – всё сгорело в ядре атомного бедствия. В миг, просчитав траекторию и скорость сближения, Рыцарь Духа немного успокоилась, поняв, что поспеет к любимому первая. Что она будет делать, как будет защищать своего суженого, и как она будет защищать саму себя – Шуда вообще не думала об этом до тех пор, пока её, неизвестное простым людям чувство, не передало ей чёткий звук ударов любимого сердца. Он разлился по её сознанию, как

высшая целебная сила и слёзы хлынули из её больших чёрных глаз. Лёша невольно спас Шуде жизнь.

– Или вместе ляжем на этом поле или вместе будем жить! – думала Шуда, приближаясь к левиафану озера Хартс. Не находя, некоторое время, ответа на вопрос, что Рыцарь Духа выбирает – смерть или жизнь – она, почему-то, не разрабатывала никакого плана на бой. Как будто ответ на свой вопрос она уже получила, и поэтому просто бежала навстречу своей гибели. Она была готова или даже желала броситься всем своим прекрасным телом на огненного Феникса и умереть. Шуде не нужна жизнь без Хосвода. Она не будет и мгновения думать о том, что ей нужно сделать, если любимый умрёт. Она будет безрассудно и отчаянно биться с тварью озера Хартс, до самого конца!

Теперь же, получив от своего, не изменяющего ей, сверхчувства, знание о том, что любимый жив! в её чёрной голове вдруг начали появляться предложения по ведению боя. Сначала робко – сознание как-бы невзначай подкидывало ей один вариант, затем другой – но сейчас, уже в пылу динамичного вторжения в область боя, предложения не носили рекомендательный характер, а имели свойство приказа, который необходимо выполнить быстро и чётко. Её сверхмозг закрепил два лучших варианта и она, от неожиданного воодушевления, издала свой ошеломляющий боевой клич. От её лица, на мгновение, образовав морду рычащего медведя, вырвалась тёмная энергия. Мрак – её верный зверь,

в просчёте боя был жертвой. Медведь прибавил бег и пошёл в открытую атаку на огромного Феникса. Мрак возродится, если Шуда выживет. Жертва не болезненна – она необходима. Свет – её потрясающий тигр – уходил от хозяйки. Он, получив такой приказ от Шуды, будет пытаться ударить, в худшем случае во фланг, а в лучшем – прямо в спину. В боине, где ставки только жизни ведь приемлемы все приёмы, ведь так?

Так кто же из них истинное зло, Алёшка? Огненное чудовище спасёт огромное количество жизней при падении Шуды, а при её возвышении погибнут сотни тысяч живых существ. Но как этот мир будет жить без Шуды?

Зверь из водяной бездны был больше медведя Рыцаря. Лишь встав на задние лапы и ударив по дуге над головой, Мрак смог бы задеть «подбородок» летающего змея. Огненный монстр ещё не показывал чудеса скорости, напротив, Шуде казалось, что он несколько медлителен. Она очень надеялась на это, ведь её план был построен, опираясь на этот недостаток врага. Сейчас она лишь лихорадочно думала о том, сколько времени понадобится чудовищу, чтобы уничтожить медведя. В том, что это произойдёт, Рыцарь несколько не сомневалась. Она поражалась и храбрости жалкого отряда Алексея и Бодро и глупости, которую те совершили, придя сюда.

– Зачем и как они здесь оказались? – думала она лишь мгновение.

Что вело Шуду навстречу к мега врагу? К этой исполинской ядерной катастрофе? Ведь здесь не было ни золота, ни власти, ни славы. Шуду вела любовь лишь к одному человеку.

Огненное бедствие изменило направление. Страх вряд ли был известен стражу озера Хартс. Он сам был, страхом воплоти. Внезапное появление довольно грозной силы ничего не изменило в пылающем безумии. Оно, широко раскрыв огромный и мощный клюв, издало звук почище боевого клича Шуды. Шуде показалось, что этот звук заполнил, целую Вселенную. С неистовством змей бросился на приближающийся к нему Мрак, дабы уничтожить его. (Люцифер – несущий свет).

Немного замедлив бег, Шуда вдруг вспомнила о Бодро и пыталась отыскать его. Она увидела его лежащим у самой кромки воды озера Хартс и поняла, что помощи ждать совершенно неоткуда.

– Да и была бы помощь от Бодро? – вдруг с грустью подумала Шуда – я убила Ерву, которая, в любом случае, была близка ему.

Медведь пал именно тогда, когда выполнил свою задачу. И хотя Рыцарь Духа видела, как его огромные лапы не нанесли никакого вреда аспиду, от схемы намеченного боя, она отказываться не собиралась.

– Ну что ж – пролетело в голове прощание – страха нет и ничего не зря! Я умру ради высшей цели. Я умру, защищая

любимого!

– Алексей вставай! – голос не церемонился с сознанием – ты что, меня не слышишь?!

– Кто ты? – чуть слышно сказал Лёша или про себя или всё-таки вслух.

– Сейчас это не имеет никакого значения. Сейчас ты нужен Шуде.

– Кому? Шуде? – он улыбнулся на яву – она далеко, не морочь мне голову.

– Приподнимись и открой глаза!

Лёша вновь улыбнулся.

– Что за розыгрыш? Я уже мёртв?

– Скоро будешь, если не прекратишь здесь лежать. Подъём!

Алексей с трудом приподнялся, и счастье заполнило его душу. Господи, Шуда! Горящая чёрным, плотным светом! Чёрным! Боже – это сон?!

Она находилась в метрах шестидесяти от него, но он видел её чётко. Её мистическую кирасу и копьё, её таинственное лицо и чудесную фигуру. Шуда передавалась ему на уровне духа, и он, преодолевая жар и боль, встал, наполненный могущественной силой.

– Я ни за что не дам мою крошку в обиду! – зубы стиснул он до адской боли. С огромным трудом Лёша поднял щит и с гримасой боли ринулся на багрового сателлита. Все его члены изнывали от бега. При том физическом состоянии,

в котором сейчас пребывал Алексей, бежать ему следовало прямо в лазарет.

Уничтожив медведя, чудовище довольно медленно разворачивалось, чтобы начать бой со Светом – огромным тигром Шуды – и именно этого и добивалась Рыцарь Духа. Всё, верно рассчитав, она подбежала к огненно-красной спине василиска. Сильно сжав копьё – до чёрной пульсации нанесённых на оружие рун – она с лёгкостью насквозь проткнула неуязвимое чудовище. Раскалённым металлом по оружию текла плоть Феникса, но вред нанесён не был. Ещё и ещё, пока жив Свет. Ничего. Рыцарь Духа отступила на несколько шагов и через миг, с неожиданной скоростью, огненный змей развернулся, обдавая пространство пылающим огромным крылом. Чудовище не было медлительным – это была ловушка...

– Ты готов, Алексей? Ты готов убивать за свою любовь?! Теперь сила, которая вторглась в тебя, благодаря Шуде и любви, не иссякнет при запуске щита. Она бездонна и неистребима. Не будем вдаваться в подробности во имя кого, мы сейчас применим эту святую силу? Ведь так? – с ухмылкой спросил некто внутри Алексея.

– Я жду ответа! – прогремело внутри.

– ДА! ДА! Не будем вдаваться в подробности! Времени нет!

– ЗАЩИЩАТЬ ШУДУ! – последний крик, что запомнил Алексей.

Лес. Даже в этом простом слове кроется такая теплота и истома! Лес, в тёплый, ясный и солнечный день... Мммм... Как хочется окунуться в его освежающую тень, в его зелёную радужную Вселенную. Закручивая тебя, как щепку, настоящая планетарная жизнь, вовлекает тебя в свой неповторимый мир. Огромноеместилище – твоё тело – радуется силе светлой чаши. Сила эта устремляется в тебя и плещется в теле, заполняя до края. Жизненная сила здесь безконечна. Здесь Отец небесный воплощает свои божественные замыслы. В лесных старобытных озёрах Бог может творить всё, что только ему угодно. Лишь несколько человек ловили в этих неповторимых, тихих водоёмах рыбу, и ни один из них не знал, сколько видов этих самых рыб обитает в них. Господь же любил удивлять этих потрясающих людей. Он любил их духовно, и они любили его. Всё же есть особенные, для Господа, души. Он скучает по ним, когда занят другими людьми.

Мир же Алексея до божественной боли, стал не интересен Господу. Да и его сопернику тоже. Люди стали полубогами и полу-дьяволами города Новограда. Господь?! Куда же упадут абсолютно безразличные люди?

С лёгкостью обогатив твою душу, лишь пошевелив мизинчиком, невидимая и невесомая, огромная мощь витает на кончиках твоих пальцев. Ты, задрал голову, кружишься, врываешься юлой в чужой, родной мир леса, будучи уверенным, что ты взлетел. Ты уверен, что преодолел могучие кро-

ны, и тебя поцеловало Солнце. Мега сила, в центре которой, термоядерным реактором пульсирует вечная доброта, схватила тебя и кружит в границах атомной станции Земли. Ты – одна из сущностей, для которых это чудо было создано! Ты и любой другой, вы – хранители лесов, хранители жизней. Бездонная зависть людей, конца двадцать второго века. Невыносимое и глупое разочарование придёт сразу же, после исчезновения отдушины Бога. Этого он не сможет нам простить.

Знаток побежал прочь от леса. Он издали увидел, как преобразился Алексей и как отчаянно бьётся его возлюбленная Шуда. Он не знал, зачем бежит в гущу боя, он не знал, чем он сможет помочь своему другу и своему врагу. Внутренний неведомый ориентир указал направление, и желал видеть, насколько этот человек доверяет ему. Что делать Знатку по прибытии тайный советник не сказал. Не обмолвился ни единым словечком.

– Друзья в беде и им нужна твоя помощь – жирная точка и тишина. Только внимательное созерцание. Восьмидесятилетний – Знаток боялся только того, что потеряет кого-нибудь из своих друзей и всё – больше он не боялся ничего. Дикарис не боялся войны, не боялся потерять свой дом; он не боялся потерять все свои вещи и не боялся потерять жизнь. Он летел в эпицентр сражения, как будто обладая тайным оружием, которое поможет победить могущественного врага, но сейчас Знаток о нём ничего не знал.

Белое сияние пульсировало по силуэту Алексея, но он не замечал этого. Лёша видел издали, только то, что Шуде было очень нелегко, но продвигался он к сражению со странным чувством внутри. Какое-то безграничное спокойствие и полное отсутствие каких-либо переживаний. Как будто он бежал не на смертный бой, а на простую встречу с человеком, с которым встречался каждый день. Более того, Алексей не понимал, для чего он так жаждет окунуться в эту безумную битву. То ли для того, чтобы защитить возлюбленную, которая была в большой опасности, то ли для удовлетворения жгучего желания продемонстрировать всё то, на что он сейчас был способен ради неё. Давнее, со времён, как пала Хоса, притаившееся чувство превосходства – чувство огромной силы – вынырнуло со дна бездны и хвастливо щеголяло, повелевая сознанием. Или оно уже не было властно над головой, и, о ужас! сознание было полностью во власти воли Алексея?! Но сейчас ему казалось, что его настоящее естество, лишь робко пытается пробиваться через тотальный контроль света над телом и разумом. Ему казалось, что он запечатлевает лишь разрозненные куски своей жизни сейчас.

А Шуду, наоборот, всё более и более захватывало безволие и безразличие. Они ворвались в неё потому, что она впервые в своей жизни не знала рецепта победы. Она впервые сражалась с полной уверенностью, что этот бой закончится её смертью, и её рассудок, радостно подхватив идею,

всё чаще и чаще, рисовал ей картину страшного финала. Об удовольствии, которое она ранее получала в бою, не было и речи. Напротив. Удовольствие трансформировалось в безысходность и отчаяние. Её чёрный щит уже несколько раз спасал ей жизнь, но силы для его поддержания были на исходе. Они таяли пропорционально вере в победу. Она уже несколько раз отступала и несколько раз была повалена в схватке с огненным буйством.

Он подбежал молча. Возлюбленная, не смотря на смертельную опасность, улыбнулась, глядя ему в лицо, и этот момент Лёша не забудет никогда. Он будет помнить такую её даже в следующих жизнях. Шуда взяла его за руку, и он увидел, как горько ей было сейчас. Как она не могла нарадоваться их пусть и такой встрече. Боже, какое счастье было видеть её! Боже, какое это было несчастье!

– Я люблю тебя – произнесла Шуда, а Алексей, улыбаясь, не произнёс в ответ и слова! Она хотела поцеловать его, но он внезапно отстранился! Удивлённая Шуда смотрела на него с недоумением и тревогой.

– Почему он отстранился и почему он молчит?! Для кого я здесь погибаю?! Для кого все мои жертвы?! ДЛЯ НЕГО?! Он не любит меня! Господи, какая я дура!

– Ты не дура. Ты просто заблудилась, Шуда.

Внешне трудно было сказать, что Алексей не владеет своим телом и разумом сейчас. Поэтому Шуда возненавидела любимого. Она была твёрдо уверена в том, что Лёша всё

слышит и всё понимает. От удивления она даже приоткрыла рот, но реакции от любимого, всё равно, не было никакой! Она не понимала, что происходит. Огненный Феникс пропал из её головы, как и всё остальное. Шуда смотрела на Алексея и хотела сейчас только одного – гибели! Дабы возродиться с чистого листа. А он, всё так же молча, вдруг встал впереди, закрывая её собой и своим верным круглым щитом. Чёрно-белое сияние.

Бодро открыл глаза, и сознание мгновенно включилось. Последние события в его жизни промелькнули перед ним, призывая немедленно подняться. Его дух, совесть, душа и сердце рвались, в едином порыве.

– Что случилось с моими друзьями?!

Рыцарь Духа ничего не чувствовал, кроме тревоги за близких ему людей. Бодро не собирался возвращаться к Цето, если они не остались в живых. Эта мысль не стоила и секундного размышления. Она была принята, полностью согласовываясь с внутренним стойким убеждением.

Поднимался тяжело. Тело изнемогало от длительной повышенной температуры и от перенесённых ударов. Голубая сфера, не призванная телом и разумом Бодро, кротко напоминала о себе, витая совсем рядом. Застывший в ней Крик, прямо говорил Бодро о сложности ситуации, в которой он оказался.

– Но кто там стоит, рядом с Хосводом? Шуда что ли?!

Бодро напряженно всматривался в два силуэта и никак

не мог поверить своим округлившимся глазам!

Он уже точно знал, что это она – убийца Ервы! – но Бодро не мог оторвать глаз от чёрного сияния, исходившим от душегубки. Белое сияние Хосвода его несколько не смущало. Он лишь мельком взглянул на него.

– Этого не может быть! Этого просто не может быть, вот и всё! Что вообще происходит?! – со злостью спрашивал Бодро внутреннего своего Бога.

От обезкураживающей картины Рыцарь Духа не мог понять, что ему, собственно говоря, нужно делать? Реальность разительно отличалась от представлений разума, и от этого Бодро застыл. Сознание упорно отказывалось принять то, что видели его глаза.

– Бодро! Бодро! – через пелену услышал Рыцарь крик. Этот крик вывел из оцепенения, и он обернулся.

– Нет времени, друг мой! – Рыцарь Духа, от удивления приоткрыл рот. Он никогда не видел таким! Гурда. Его встревоженное, ошеломлённое лицо ворвалось в затуманенное сознание и мигом расставило в нём всё по местам.

Какое сияние было у Шуды, а какое у Хосвода. Как убийца возлюбленной оказалась здесь и гнев, по отношению к ней. Почему Хосвод «белый» и защищает он не Гурда или приближающегося к ним Знатока? Всё вылетело из головы Бодро, только лишь он взглянул на лицо лучника. До боли сжимая меч, Бодро ринулся вперёд, дабы встать под одно знамя с Шудой, которую люто ненавидел.

– Ради моих настоящих друзей! – разразился внутренний клич, всё собой уничтожающий!

Огненное чудовище надвигалось, на бело-чёрное сияние. Алексею нестерпимо хотелось посмотреть на любимую Шуду, но огненная реальность не позволяла ему сделать это. Враг, что страшней самых обозлённых людей, своим жгучим безразличием выводил из себя застывшего Алексея. Феникс несколько не изменился за время, проведённое в бою. Тогда как люди, противостоящие ему, все, до-единого, изменились до неузнаваемости.

Неожиданно аспид остановился. Пылающее его тело начало раскаляться, и дойдя до бело-красного Феникс вдруг подогнул голову и сложил крылья так, что стал похож на огромный огненный, калёный шар. Все вдруг замерли в ожидании и не сводили глаз с раскалённого чудовища. Вдруг шар задрожал, и реальность задрожала тоже. Он вбирал в себя энергию самой действительности, а потом замер и пульсирующей волной высвободил убийственную силу. Она пронеслась сквозь остолбеневших людей, и все почувствовали её ударную мощь. И даже те, против кого, совсем недавно, она была бессильна. Испустив первую волну, «шар» задрожал опять, и пульсация повторилась.

Бодро почувствовал, как под воздействием этой пульсации, его тело начало нагреваться. Доспехи немного раскалились и он, понимая, что через совсем короткое время жар станет нестерпимым, бросился на врага, но несколько сбли-

жившись, его обдало такой температурой, что ноги его подкосились. Его тренированное тело передавало закалённому разуму не приукрашенную действительность. Действительность была ужасна. Он больше не мог выносить жара.

И вдруг пульсация прекратилась.

Шуда приняла боевую стойку, не понимая от кого ей надо защищаться. То ли от, неизвестно откуда появившегося Бодро, то ли от слуги озера Хартс. Она даже, на несколько мгновений навела копьё на Бодро, но увидев, как тот ринулся на огненное чудовище, тут же вернула оружие обратно. Её тело тоже нагрелось, но благодаря Алексею, не очень сильно. Возлюбленный брал на себя огненные волны. Он стоял, как гранитный воин, закрывая Шуду своей спиной, а она была по-настоящему счастлива от этого. У неё случилось то, что уже случалось с ней однажды. Снова реакция на реальность была не подвластна разуму. В такой ситуации можно испытывать, что угодно, но только не счастье, а Шуда купалась в неге. Её защищают! Она изо всех сил старалась не улыбаться сейчас. Сейчас, когда их жизни висели на волоске.

И Мрак, и Свет – её потрясающий медведь и тигр – сгорели от сверхвысокой температуры. Их сферы, зависшие над землёй, не могли нисколько надеяться на скорейший возврат к Шуде. Пока не кончится борьба с ядерным бедствием, это было исключено.

– Ещё две, максимум три волны, и я дрогну – это была правдивая мысль. Алексей ещё две волны назад совершил

настоящий подвиг. Подвиг воли, совершённый только ради любви. Он не замечал обгоревшие ошмётки своей накидки, которая уже вот-вот должна была исчезнуть, не замечал он и того, что в его руке нет оружия и внезапно появившегося Бодро. Ни белого своего сияния, как и того, что он полностью контролирует себя. Всё ухнуло в бездну. Всё, кроме одной простой мысли: «Защищать Шуду! Защищать крошку, даже ценой своей жизни»!

И вдруг пульсация прекратилась.

Бодро замедлил сближение от такой неожиданности и сделал он это не зря, но и не совсем вовремя. Феникс с оглушительным криком раскрылся и резко бросился на застигнутого врасплох Рыцаря Духа...

Но за миг, один, считающимся и вовсе никчёмным, миллиардами человек миг, у Алексея раздался голос в голове.

– Твой друг в опасности! Его щит не выдержит!

– Да твой друг, который не желает тебе счастья...

Лёша не медлил. Он в мгновение ока оказался перед изумлённым Бодро, и как раз вовремя. Огненное крыло, плотной огненной завесой, как напалм, прошло сквозь обоих...

Алексей рухнул. Он не мог видеть, как Бодро, обезумев от жара, побежал к озеру Хартс, бросив Хосвода, как и не мог видеть того, как Шуда бросилась на помощь к нему. Обесиленный Хосвод лежал на обожжённой земле, а к его телу всё пытался приблизиться прекрасный бессмертник. Но под ним эти цветы сгорели, не оставив после себя и следа.

– Ты что делаешь? – грозно прозвучал вопрос в голове Бодро.

– Я больше не могу! Не могу терпеть эту боль, ты слышишь меня?!

Диалог резко прекратился, а Бодро лишь представлял, как манящая прохладой вода остудит его. Какое она подарит наслаждение и истому, как она проникнет под экипировку и разольётся высшим блаженством. Как она освободит Бодро от мучений – вода озера Хартс.

Он быстро ступил в воду и, испытывая прекрасные чувства, торопился погрузиться всё глубже и глубже, как вдруг застыл...

Когда страх проник в Бодро было уже слишком поздно. Бодро даже не успел испугаться, он лишь резко развернулся, глядя на Землю и... Он почернел, с улыбкой на устах. Его счастливое лицо видел ничего не боящийся Знаток и совсем не видел Алексей. Хосвод видел только глубокое синее небо над своей головой.

– Любимый я буду с тобой до самого конца! – услышал он божественный голос Шуды и улыбнулся. Он с трудом приподнял голову и увидел, как она стоит, закрывая его от огромного Феникса.

Вдруг, что-то сильно зажгло у него в груди.

– Воды, Господи, прошу Тебя, дай воды...

– Вода!

Лёша обессиленной рукой нащупал флягу с водой! С во-

дой, подаренной Ервой! Он вдруг отчётливо вспомнил её красивое лицо и безумно красивые, счастливые сияющие глаза. Ерва вдруг предстала перед ним во всём своём великолепии. Предстала, как будто возрождённая после смерти. Алексей был уверен, что она во плоти склонилась прямо над ним. Он до конца своих дней будет в этом уверен. А её волшебный спасительный голос Лёша будет помнить вечно.

– Запомни! Ради любимых бесстрашно бейся до конца. Перед таким самопожертвованием бессилён даже самый огромный и страшный враг – произнесла она нежным голосом.

Ерва подёрнулась дымкой и вошла прямо в тело Алексея, а он, стиснув зубы, до боли сжимал кулаки. Вода, подаренная Ервой, вдруг закипела внутри фляги и пыталась вырваться за пределы металлического тела, выбивая преграду, чего Алексей совсем не замечал.

– Отчего закипела вода, Алёшка? Она закипела, повинуюсь законам физики? Или каким-то другим законам? Таких ситуаций в нашей жизни очень много.

Лёша, с большим трудом отцепил флягу и не послушными пальцами пытался открутить крышку. Сил на это у него не хватало, и пальцы всё соскальзывали с неё. Поняв, что открутить её не получится, он приподнялся и увидел свою Шуду. Она отчаянно сражалась, пытаясь не подпустить змея. Алексей встал и взгляд его замер на фляжке, и он так несвоевременно вспомнил о том дне, когда Знаток преподнёс ему

её в подарок. О том, каким он был счастливым совсем недавно. Как он был красив тогда и весел. О выборе, что ещё не был сделан и о внутреннем покое, который будет разрушен, только через два месяца. Всего лишь через шестьдесят шесть дней.

– Происхождение настоящего счастья человеческого совсем нам не известно – пролетела мысль, и грустная улыбка мелькнула на его лице. Он поднял глаза на любимую и, как будто совсем отринув действительность, и до конца смирившись со всем, что происходит, бросил флягу прямо в Феникса. Бросил как-то совсем по-простецки, как-то обыденно бросил. Бросок отчаяния и обречённости. И хотя Алексей не желал умирать, и перерождение ему не было нужно, он устал бороться со смертью. Бросив щит, он, кое-как переставляя ноги, пошёл на помощь возлюбленной. А вокруг раскалённый огонь и выжженная земля. Притаившаяся смерть и уничтоженная надежда.

Чудовище без труда поймало флягу и мгновенно перекусило её пополам. Вода скромно вылилась на огромное тело и это тело вдруг дрогнуло. Издав душераздирающий крик, чудовище внезапно стало таять на глазах. Оно от предчувствия неминуемой гибели, неистово било крыльями, раскидывая огненную плазму. Оно пыталось добраться до двух человек, смотрящих на агонию, но уже не могло и двинуться с места. От бессилия перед Шудой и Хосводом, огненный змей безумно кричал... Выжигая бессмертник, аспид

хватался за жизнь, которая его покидала. Развалился хвост и почти уже развалились крылья. Огненная тварь была обрубками, пытаясь приблизиться, но всё было тщетно... Развалилось тело и рассыпалась голова... Огненный змей был повержен и Феникс исчез. Исчез, не оставив и следа... Внезапно всё замерло и только слабый, тёплый ветерок теребил локон Шуды. Они смотрели друг на друга и, некоторое время, не было в их взглядах ликования от тяжелейшей победы.

Какой ужасной и какой-то не своевременной бывает тишина. Она выдавливает наружу из тебя Человека.

Шуда рыдала, не в силах совладать с собой. У Алексея по щекам текли слёзы, которых он не замечал. Она осторожно обнимала его, и он пытался делать то же самое. Он целовал её лицо, пока реальность не закружилась перед его помутнёнными очами. Любимая поймала его, когда тело, как бревно, падало на землю. Положив его голову себе на колени, Шуда, в окружении прекрасных, ярко оранжевых цветов, замерла, поглаживая его волосы. Аромат бессмертника был горек ей. Без Хосвода не нужен и жалкий лепесток. Слёзы её, капали на истерзанного Алексея, и лишь стук его сердца жил во всём существе Шуды. Больше во Вселенной ничего для неё сейчас не существовало.

– Если прекратиться этот стук, что заполняет меня, то тебе не придётся долго ждать, любимый. Вот только вряд ли это поможет увидеть тебя. Мы попадём в разные места с тобой.

Она прижималась к нему своим лицом, беспорядочно целуя.

– Но им придётся постараться, чтобы я тебя забыла.

Прекрасная Шуда замерла, и внимательно всматривалась в лицо Алексея. Убирала с его тела траву и камушки. Приводила в порядок его волосы и сетовала про себя за его обгоревшую накидку. Этот момент её жизни не просто никогда ею не забудется. Нет. Он, этот потрясающий мизерный временной отрезок её бытия, как фабрика, по производству жизненной силы, будет наполнять её тогда, когда Шуде этих сил будет не доставать. Жажда власти, как недавний её основной источник, вдруг заглушил несколько реакторов и уже не в той мере поставлял душе Шуды, необходимую энергию.

– Шуда! Шуда! – закричал он, резко поднимаясь.

– Я здесь, мой Лёшенька – произнесла она его имя, улыбаясь, сквозь залитые глаза.

Люди чёрные и белые. Белые и чёрные. Красивые и не очень. Жадные и не очень. Добрые и не очень. Какие они ещё? Истинно чёрные не могут быть «не очень», как и истинно белые. Хотя к истинно чёрным это относится в большей мере. Истинный убийца, как и лжец, обкрадывающий свою нацию, не могут быть «не очень». Мысль понятна моя, я думаю. Перечислять подобных бесов не имеет никакого смысла. Все они прекрасно понимают кто они в этой жизни. Как же надо втоптать свою душу в грязь? Немыслимо! Немыслимый размен. За пустышку, отдать вообще всё! Всё,

что только и имеет ценность.

– Эх! Господи! Как я люблю тебя! Господи! Ни один человек на всей нашей милой маленькой планете не может себе, и представить, насколько сильна моя любовь к тебе! Я знаю, что всё мироздание устроено, до боли просто. Мы будем смеяться над его простотой, когда придёт и наше время. Время наше, неизбежно придёт, люди мои добрые и не очень.

Слёзы навернулись на красивые глаза, и перехватило дух.

– Жизнь – великолепное приключение, чтобы в ней не произошло. Я знаю, о чём говорю – думал Алексей, разглядывая свою волшебную Шуду.

– Каждый миг нужно смаковать, ибо он не повторим. Не повторим!

– Может быть, я слишком трепетно отношусь к жизни? – пролетела мысль и была тут же уничтожена ликом любимой.

– Ну, здравствуй моя ненаглядная.

Всё тело ныло и болело, как у побывавшего в жёсткой долгой давке. Сил для того, чтобы говорить Шуде о своей любви к ней, не было совсем. Лёша лишь странно улыбался и пытался поднять руки, чтобы обнять возлюбленную. Но этого сделать ему не удавалось. Шуда не позволяла ему тратить силы и руки его, она то и дело, возвращала на место. Она и так всё хорошо понимала. По его светящимся глазам и сияющему лицу. По его взгляду и отчаянным усилиям просто прикоснуться к Шуде. Весь вид Алексея давал ей ясные знания о том, что он бесконечно любит её. Глупое видение, об от-

странившемся и хранящем молчание возлюбленном, исчезло из тёмного сознания Шуды, и она безпредельно отдалась созерцанию своего любимого. Она знала, что быть им вместе остаётся всё меньше и меньше. Время таяло на глазах.

– Молчи, молчи, пожалуйста, мы с тобой ещё наговоримся – сказала она «немому» Алексею и горько улыбнулась.

– Мы же ещё наговоримся? Просто кивни, хотя бы кивни, мой любимый.

Лёша, глядел на неё глазами, полными доброты и надежды. Глазами тревоги и заботы.

Он, конечно же, кивнул. Грустно улыбаясь, он кивнул ей далеко не один раз.

Рыцарь Духа, в отличие от Алексея, физически чувствовала себя отлично. А морально она чувствовала себя просто превосходно. Здесь состояния возлюбленных совпадали. Для обоих все точки над «и» были расставлены. Он защищал её. Она спасла его. Так просто. И теперь они праздновали победу так, как никому и снилось. Он молча, лежал на её коленях, а она что-то иногда говоря, нежно поглаживала его волосы. Они наслаждались тихим, безмолвным счастьем.

– Живы! Мы остались живы, любовь моя!

Только мысль о том, что Бодро не выдержал сражения с атомным огненным катаклизмом и бросил Алексея в пылу боя, несколько досаждала ему. Он не осуждал, но и не представлял, как будет говорить с Бодро об этом. Но сейчас эта мысль, выпрыгнув из-под земли, была тут же вытеснена

на задворки империи разума.

Вокруг возлюбленных чудесной, яркой оранжевой волной разлилось море цветов. Они укрывали Шуду и Алексея с головой, скрывая от глаз единственного человека, что искал их, бегая по побережью.

Знаток постарел за эти несколько минут поисков на десять лет. Он видел почерневших Бодро и Гурда и сердце его чуть не выскочило из груди. Его бушевавшее внутри волнение, неизбежно отражалось на его теле и лице. Глаза его расширились, и он беспокойно бегал вдоль берега, с полуоткрытым ртом. Он внимательно осматривал окрестности озера и, к своему счастью, не находил ни Хосвода, ни Шуду. Он всем сердцем желал найти их, но поиски были тщетны. Куда-бы ни глядел Знаток, перед ним открывалась одна и та же картина – сплошной покров оранжевых цветов. Бессмертник надёжно укрывал от Знатка Шуду и Хосвода. Но Знаток был уверен, что они живы и они где-то здесь. Он чувствовал это внутренним своим знанием. Но проходили минуты, а результат поисков был не изменен, но, несмотря на это, Знаток не собирался прекращать их. Он будет искать Хосвода и Шуду, пока бьётся его сердце.

Вдруг Дикарис увидел, как по обожжённой Земле медленно двигаются две голубые сферы. Это были звери Шуды. Её Мрак и Свет – уничтоженные в бою с Фениксом медведь и тигр. Дикарис мгновенно сообразил и тихонько шёл за движущимися объектами. От внезапного воодушевления и так

неожиданно найденного выхода он внутренне ликовал. Дикарису открылась дорога к Шуде и Хосводу, тогда как Знаток лицезрел только почерневших Бодро и Гурда. (Нужно носить в себе ещё хаос, чтобы ты мог родить танцующую звезду).

Когда Мрак и Свет остановились, Дикарис поднял глаза и увидел сияющую счастьем Шуду. Ему на секунду показалось, что вокруг её восхитительного лица, чёрным сиянием, сверкает святой нимб.

– Что я ей скажу? Она явно не горюет, значит, Алексей жив. Точно! Подойду и спрошу, где Лёша.

Он видел, как она защищала Хосвода, и теперь воспринимал Шуду, как не за совсем врага. Робко приближаясь, Знаток подошёл довольно близко и увидел, лежащего в цветах Алексея. Вопрос, который он собирался задать отпал сам собой и от этого старик впал в ступор. Его, улыбаясь, рассматривала Шуда.

– Здравствуйте – глупо произнёс Знаток.

– Здравствуйте – в тон ответила Шуда.

Знаток вконец смутился и совершенно не знал, как завязать разговор с ней.

– Что бы у неё спросить? Может быть, что-нибудь узнать? Но что?

Знаток совершенно не был готов, к встрече с Шудой.

– Еле нашёл вас в этих красивых цветах – произнёс Дикарис – спрятались от посторонних глаз? – продолжал он, улыбаясь. Лицо Дикариса вдруг преобразилось. Он улыбал-

ся совершенно искренне и вдруг успокоился.

– Так уж вышло – легко ответила Шуда, – а вы...?

– Ах, какая безтактность – меня зовут Знаток Дикарис.

– Я где-то слышала о вас. Если я не ошибаюсь, вы знаете
врачебное дело, ведь так?

– Да, кое-что знаю.

– Ну, раз так, мой любимый – обращалась уже Шуда
к Алексею – нам пора расставаться. Не знаю, зачем ты забрёл
сюда, мой ненаглядный, но прошу тебя, береги себя мой лу-
чик. Обещай мне, любовь моя.

– Я обещаю – прохрипел Алексей.

Хосводу под голову, Знаток положил свою сумку, достав
оттуда несколько настоек и трав. Из одного флакончика,
Алексей, с помощью Шуды, отпил живительной жидкости
и тут же провалился в полудрёму.

– Зачем вы убили Ерву? – вдруг спросил мгновенно изме-
нившийся Знаток – вы убили прекрасного, ни в чём не по-
винного человека, вы знали это?

Шуда смело смотрела прямо в глаза Знатоку. На её лицо
сползали злость и гнев.

– Старик! Я вверяю тебе самое дорогое. Постарайся сде-
лать всё, чтобы он жил. И всегда помни, что вы все до сих
пор живы, благодаря ему.

Они недолго молчали.

– И ещё – продолжила Шуда – не знаю, на что вы там рас-
считываете, вместе с вашим Цето – пренебрежительно выпя-

лила Шуда и набрала полные лёгкие воздуха – но вам никогда не видать победы! В её глазах полыхнули знакомые огненные пожары.

Алексей зашевелился. В его всё глубже и глубже провалившееся сознание, неожиданно ворвался громкий и жёсткий голос возлюбленной. Лёша на грани забытья и реальности незримо всё ещё был рядом с Шудой и Знатком.

Знаток не был нисколько ни впечатлён речью, ни капли он и не был её напуган. Он тоже обозлился на Шуду.

– Знаете что! Как бы там ни было, лёгкой победы вам не видать! Пусть мы все умрём в бою с тобой, светлая Шуда – с издёвкой и отвращением проговаривал Знаток – но ты не завладеешь нашими душами. Память о нашей попытке уничтожить тебя, будет жить в веках!

– Ахахаха – рассмеялась Шуда в лицо – память о вас будет ненавистна светлым людям будущего. Любое упоминание о вас будет вызывать у них лишь отвращение. Успокойся, старик. Жителей тёмных земель, я превращу в рабов. Не злись – она ехидно улыбнулась – и смирись с тем, что силы света поработят тёмных людей.

Знаток закипал. У него затряслись руки, и вдруг пересохло во рту. Он прожигал Шуду взглядом, как древний демон.

– Никогда!!! Ты слышишь меня?! Никогда этого не будет! Ты ещё не победила, а уже размышляешь о порабощении! Ты! Я не боюсь тебя, слышишь!

– Прибереги силы – спокойно отвечала ему Шуда – они

тебе ещё пригодятся.

И резко развернувшись, Рыцарь Духа зашагала прочь.

Знаток никак не мог успокоиться. Он зло смотрел на удаляющуюся Шуду и бормотал себе под нос всё то, что он, по своему мнению, не успел сказать Рыцарю Духа. Бросая бешеный взгляд ей в спину, он даже, несколько раз, хотел выкрикнуть ей слова, которые наиболее бы уязвили её.

– Иди, иди в свои земли – бормотал Знаток – что ты вообще делаешь на землях Цето?! Все твои люди просто боятся тебя, поэтому они служат тебе. Нашего же Цето не боится ни один тёмный житель, поэтому мы победим! – Дикарис горько смотрел на Алексея. На его глаза навернулись слёзы.

– Нас к победе поведёт Снежный Барс! – отчаянно выкрикнул он так, что Шуда, всё-таки обернулась.

Сверхсознание Алексея запомнило слова, как и тело, запомнило жар от тубуса. Выполнив задачу, он провалился в чёрную бездну.

Сверхъяркая вспышка, как древний ядерный взрыв, образовавшись из ниоткуда, прокатился по озеру и окрестностям. Обугленные, почерневшие люди дрогнули от этой волны. От их чёрных тел, вдруг стал отваливаться чёрный нарост, и они вдруг все ожили! Медленно зашевелились бесчисленные тела. Люди с удивлением озирались, пытаясь вспомнить, кто они и как здесь оказались? С удивлением они рассматривали друг друга, как будто спрашивая:

– Вы кто? И как я оказался (оказалась) рядом с вами?

Увидев вдали безбрежное оранжевое море цветов, все разом, как по команде, пошли прочь из чёрного озера. Через совсем короткое время весь этот люд вытопчет бессмертник, и втопчет высшую красоту в грязь. Только Бодро и Гурд никуда не торопились. Они не пытались никого из людей остановить, а только горько обнимались, празднуя тяжелейшую победу. Они, конечно же, поняли, что она одержана.

– А, что с Хосводом и Знатоком? – с обеспокоенным лицом, спросил лучник.

Воспоминание о том, как Бодро бросил своего друга в его тяжелейшую минуту, настигло Рыцаря Духа. Оно ударило его, пробив насквозь. Лицо его исказилось гримасой боли и отчаяния и сейчас, именно в этот миг, Бодро желал лишь того, чтобы он никогда не возродился от черни.

– Как хорошо мне было в этом забытьё. Зачем этот Хосвод одержал эту победу?

– Что случилось, Бодро? – не унимался Гурд – что с тобой?

– Как тебе ответить, мой друг – проговаривал про себя Рыцарь – как сказать тебе, что я предал друга?! Я должен был умереть, но не сойти с места.

Никто из освобождённых людей ни на миг не задержался на поляне. Ни на один, считающийся миллиардами человек вовсе никчёмным, миг. Они лишь вытоптали Бессмертник и теперь Хосвод со Знатоком Дикарисом стали видны вышедшим из озера Бодро и Гурду.

Лучник ринулся к друзьям, а Бодро еле переставлял ноги.

Когда Рыцарь увидел, что Алексей без сознания, его вдруг посетила ужасная мысль, от которой он получил некоторое умиротворение.

– Он, что мёртв?

– Что с ним? – обеспокоенно спросил Бодро Знатока.

– Всё с ним будет в порядке – ответил на самый главный вопрос Дикарис – я дал ему настойки и теперь он спит.

– Чудовище было повержено, как я понимаю? – спросил Гурд.

– Совершенно, верно. Хосвод с Шудой победили Аспида.

– Как они сделали это?

– Это удивительная история, ей Богу. Видимо отчаяние, иногда подсказывает верные решения. Хосвод просто бросил флягу, которую я ему подарил, с водой, которую налила ему твоя Ерва, Бодро.

– Ииии?

– И Феникс, облившись такой водой, исчез или умер. Называйте, как хотите.

Они рассматривали спящего Хосвода. Его красное, кое-где в саже, лицо и почти полностью сгоревшую накидку. Почерневшую кое-где кольчугу и обугленный щит. Все были поражены им и восхищены. Гордились им и сочувствовали ему. Совершенно не понимая, что же им делать дальше, друзья молча смотрели на друга, спасшего их жизни. Задумчивые и такие разные. Внешне спокойные – внутренне сходя-

щие с ума от неведомого диссонанса. Одно – большое и светлое – вдруг врезалось в другое – большое и тёмное. Высший светлый враг в высшего врага тёмного. Оно врезалось в их существа, а в самой реальности – объединилось для победы над врагом другого порядка. И порядку этому не смог никто помешать. То, что эти люди не могли себе и представить в самой изощрённой фантазии, произошло на яву. И теперь, победа издевалась над неподготовленными сознаниями. Она играла и куражилась над «детьми». Её так забавляла их непонимание и оторопь. В противостояние с этим непониманием вступил лишь поступок Бодро. Взбесившись внутри его совершенного тела, он дико кричал, ломая границы. Вся огромная сила понадобилась Рыцарю Духа, чтобы праздновать эту победу.

– Я пойду за лошадьми – произнёс он и, повернувшись медленно пошёл, собирая рукой кое-где оставшийся бесмертник. Его заколотило мелкой дрожью, и он не знал куда ли он идёт. Рыцарь Духа не знал, туда ли он идёт?!

– Жизнь продолжается и надо жить! – Бодро смял в ладони яркие цветы – искуплю кровью. И своей, и чужой.

Шуда готовилась к призыву двух сфер. Усевшись на пенёк в большой лесополосе, она никак не могла настроиться. Только лишь вспоминая свой двойной вызов, её тело и сознание охватывала пронзающая дрожь.

– При вызове передо мной стояла ясная и чёткая цель – спасение любимого – и от этого я перестала что-либо боять-

ся. Я была готова на всё, и всё было не зря! Как мне теперь перенести вас, мои могущественные друзья?

Шуда улыбнулась, глядя на две ожидающие призыва сферы.

– Жила-была малютка – вспомнила она считалочку детства и решила немного повеселиться. Улыбаясь, она тыкала пальцем то в Свет, то во Мрак.

– Жила была малютка,

– любила платья, дудки,

– ходила на балы

– ты выйди вон с Земли.

Палец Шуды замер, указывая на Мрак.

Рыцарь тяжело поднялась и принялась расчищать себе место на земле. Когда палки и камни были отброшены, она легла.

– Любовь моя, дай мне сил. Я опять одна, но ты спасён и теперь я отдаюсь на волю провидению. Только я очень хочу увидеть тебя ещё хотя бы один раз, любимый!

При двойном вызове, как и при двойном призыве, нельзя было делать длительных пауз. Определять можно было только очерёдность, но не время. Свет, её потрясающий тигр, будет обязан войти в тело Шуды, менее чем через минуту, после того как Мрак покинет Землю.

Она взяла в рот толстую палку и отдала команду первой сфере. Сфера начала вход в тело и Шуда чуть не переломила эту палку зубами.

Она отрывочно дышала, небольшими толчками вгоняя в себя воздух. И хотя призыв дался тяжело, слёз на её щеках не было, как и сожалений, огорчений и мук совести. Испытывая невероятную боль, мимо её глаз летело её прошлое. Оно в определённый момент так захватило Шуду, что даже несколько притупило боль. Боль физическую.

– Может быть, были правы древние мудрецы, Проппади они Проппадом. Может быть, запредельная боль дарит истинное перерождение? Смерть и воскрешение. Переосмысление.

– Как-бы то ни было, но со мной произошли огромные изменения. И они мне очень нравятся.

Шуда, лёжа на земле, не думала ни о чём. Вообще ни о чём. Чистое небо и лёгкий ветерок.

– Пусть всё идёт своим чередом, так же как это красивое небесное чудо. Маленькое белое облачко радовалось, глядя на счастливую Шуду, а она радовалась недосыгаемой малютке. Радовалась теперь уже недосыгаемому счастью.

– Дорога была пройдена и теперь нас всех ждёт только финал, а он всем известен. Забери меня, белое облачко. Молю, забери.

– Он не отступит и погибнет в бою вот и всё. И зачем мне будет нужна, эта чёртова планета? Если это случится, я подарю её Венгу.

От всей своей белой души облачко жалело Шуду. По крайней мере, ей так казалось. Но выполнить её просьбу и не со-

биралось. Путь пройти придётся до конца.

Истинно радуясь, что жива, Шуда встала. Всё ещё опираясь на копьё, она улыбалась и совсем немного огорчалась своему одиночеству. Ей так хотелось разделить радость того, что она с честью выдержала двойной призыв. Разделить её с любимым или с Тяросью, своим верным генералом или со смелым старичком-лекарем, в отряде Алексея, или с Мраком, её медведем, или со Светом, её потрясающим тигром. Хотя бы с кем-нибудь! Она грустно оглянулась, зная, что здесь никого, кроме неё нет.

– Что будем делать дальше? – кто-то спросил совершенно серьёзно.

– Дааа, вопрос – подумала Шуда, несколько не смутившись странному внутреннему голосу – что посоветуешь? – неожиданно спросила она.

– Ты уже знаешь, что, ведь так?

Рыцарь опустила голову. Она знала ответ, но принимать его отказывалась. Она изо всех своих сил отталкивала его, а он, как будто и вовсе не слушая её, нагло вырисовывался в сознании. И сколько бы раз Шуда не задавала себе вопрос о дальнейших действиях, ответ мгновенно рождался в её голове. Ответ, не терпящий никаких раздумий над ним.

– Нет, нет, пожалуйста. Я не хочу такого исхода!

Господь, ответь! Жизнь – это судьба или судьба, сотворённая нами?

Шуда вдруг собралась, выпрямилась и сжала копьё, до по-

белевших пальцев. Решимость и жесткость на лице и в глазах отразились в неповторимой реальности. Совершенная амуниция и Хищный Свет на груди и в груди вдруг заблестали под солнечными лучами. Смирившись с положением вещей, заболев бешеным, неизведанным духом, Шуда расцвела на глазах. Расцвела внешне и внутренне. Отбросив все сомнения и своё видение вещей, она устала сопротивляться потоку. И теперь раскинувшись в нём «звёздочкой», она решила вновь наслаждаться им.

– Пусть несёт он меня, куда угодно Господу. Я уже знаю, кто ждёт меня, и я не разочарую – подумала Шуда, с дерзкой усмешкой на губах.

– Во имя Господа нашего! – разразился нелепый, для её существа, мощный внутренний клич.

Оставалось совсем немного пройти до места, где Рыцарь оставила своих лошадей.

После этого перерождения, Шуда вдруг станет ещё жестче, чем когда-либо.

3. ВЕЛИКАЯ ПРЕЛЕСТЬ СПОКОЙНОЙ ЖИЗНИ

Как тихо... Тихо и хорошо. Заснеженная улица замерла, одевшись в пышные меха, а утреннее счастливое солнце, вот-вот добавит этой картине волшебного золота и серебра. Белые ели переодели своё вечнозелёное платье и от этой радости дарили восторженное и благоговейное спокойствие. Безмятежная сказка на яву. Лёгкий снежок медленно парил, дополняя волшебством спокойное волшебство. Попадая под пляшущий свет фонарей, снежинки дарили мгновения счастья. Вот пролетело одно мгновение, вот другое, вот третье – смотри сколько их! Они все неповторимы. Они переливающимся, блистающим неспешным потоком дарили себя матушке-Земле.

Невиданной красоты птица блеснула голубовато-зелёным оперением. Зимородок, брюшко которого нежно обожгло Солнце своим неповторимым мистическим чириканьем, торопливо сообщал всем, о наступающем новом дне. Удобно устроившись на одной из ели, его совершенно невозможно было увидеть, даже несмотря на то, что он отчаянно желал быть замеченным. Его грустная отрывистая «песня» заполнила всё вокруг. Мир и спокойствие.

Лёша замер у окна лазарета, наслаждаясь потрясающим зрелищем. Лечебница находилась в башне, с которой приле-

гающий двор был виден, как на ладони.

– В некотором царстве, в некотором государстве – с трудом, шёпотом проговорил Алексей и всё-таки смог чуть улыбнуться.

Весь забинтованный и обмазанный всевозможными мазями он не отрывал взгляда от зимнего потрясающего рассвета. Он гнал от себя все мысли и изо всех сил старался не думать ни о чём, кроме того, что видели его глаза.

Красивые кованные лавочки, с широкими спинками устав от тёплой осени, с большой радостью впали в спячку и отдыхали от надоевших посетителей. Укрывшись белоснежным одеялом, они вовсе не скучали, а наслаждались своим тихим сном.

Он подошёл к окну ещё ближе и взглянул на пока ещё звёздное небо.

– Звёздное небо. Мммм!!! В прекрасной безкрайней мгле, где ты – чужестранец, неведомой Рукой раскинуты родные звёзды. Когда я вглядываюсь в чистое звёздное ночное небо, я никак не могу понять, почему оно так тянет меня? Как будто зовёт домой, где всё знакомо и всё известно. Что-то внутри тоже знает ответ. Он так прост, что я имею самый ничтожный шанс обнаружить его при жизни. Он то и дело мелькает перед внутренним взором, неуловимым огненным крылом Феникса. Сколько раз нужно превратиться в пепел, Господи? Сколько раз возродиться при жизни, Милостивый Боже? Что-то бьётся в тесной клетке тела, требуя идти туда,

куда оно хочет. Но что это за путь, и кто живёт внутри меня? Чёрное или Белое?

Алексей почувствовал знакомый ком, подкативший к горлу.

– Шуда спасла своих врагов. Пусть пришла она на помощь, лишь из-за меня – это ничего не меняет. А вернее это меняет всё! Любовь её преображает душу её и разум её. В списке ценностей поменялись лидеры, хотя я уверен, что моя любимая Шуда, была убеждена в том, что это невозможно. В её клетке лопнули прутья. Моя Шуда. Моя спасительница. Как же я люблю тебя. Спасла Бодро, Гурда и Знатока. Спасла меня, а я пытался спасти её.

– Тяжела была схватка с Фениксом. И жизнь после победы, тоже не будет легка.

Вспоминая тот тяжкий бой, Хосвод улыбался сквозь слёзы.

– Вот она! Вот моя любовь – Шуда! С алыми щеками и красивой тревогой в невообразимых глазах! Её святые волосы и повязанные ленты, которые развеивает горячий ветер! Крик, уничтожающий страх! Как прекрасна и чиста! Мистические доспехи и пульсирующие чёрным светом белые руны на них. Отчаянные её попытки спасти любимую жизнь! Её безоглядный порыв, безапелляционное решение уничтожить и спасти воплотилось в такую Шуду! Господь! Как она была красива в своей решимости и смелости! Боже! Как она была красива в своей робости и отчаянии! Я готов на нево-

образимые муки и без раздумий отдамся им, если надо будет спасти мою единственную крошку Шуду.

Лёша уронил голову и почувствовал странную усталость. Все его мысли вдруг тут же рассеялись в предрассветном мраке. Глядя на нежный, спокойный свет фонаря на Алексея налетела грусть. Он задумался, не сводя взгляда с красивого плафона.

– Господи, как же всё надоело. Как же хочется простой и тихой жизни. Выйти с хорошим настроением на встречу к своему лучшему другу, который обязательно должен быть. Дружить с ним только потому, что чувство родства душ не покидает тебя при встрече с ним. Встретиться для того, чтобы выпить чаю и ни слова не говорить ни о каких делах.

– Подурачиться и повеселиться.

Обогатить себя и свою душу такой редкой энергией – уникальной жизненной силой. Скинуть на час груз забот и тревог и, по-настоящему, наслаждаться встречей и непринуждённой беседой. Господи, как мало надо для счастья! Или же всё-таки много?

Родненькое, чудненькое светило торопилось в гости к израненному Алексею. Лёша знал, что сейчас солнышко заставит его улыбнуться сквозь боль до слёз. Он знал, что это произойдёт и желал этого. Звезда не заставила себя ждать. Лучи коснулись Земли, и ошеломлённый адепт принял участие в таинстве рассвета. Лопнувшие, замазанные мазью губы тяжело растянулись в восторженной улыбке, а счастли-

вые глаза сверкали от осознания, что живой! Что есть и, конечно же, будет, ещё будет шанс испить янтарного напитка с другом. Ещё есть шанс отдать другу бесценное время, что никогда не вернётся.

– Живой!

Алексей слился с восходом. Он прямо здесь и сейчас вдруг принял решение, что кто-бы не дарил ему силу в боях, где ставки лишь жизни, он, не колеблясь, будет её применять. Без всякого зазрения совести и без всяких размышлений и сожалений о принятом решении.

Взяв бинт со стоящей рядом передвижной тумбочки, он осторожно промокнул губы. Бинт окрасился в красный цвет и этим привлёк внимание Алексея.

– Да, ты не бессмертный. Видишь? В тебе такая же кровь, как и у всех остальных – пронеслась мысль – в тебе такие же органы, как и у других людей. Ты же хотел удостовериться в этом? Вот, пожалуйста. Твоё желание для нас закон.

Он выкинул бинт и сел на кровать.

Эйфории, восторга, ликования, тех, что заполняли Лёшу после победы над ведьмой Хосой, не было совсем. Радость от этой победы была странной, а у друзей не было её и вовсе. Бодро будет долго страдать от своего поступка, который он совершил в битве с Фениксом. Гурд будет считать себя вообще не причастным к сражению. И лишь Знаток Дикарис останется самым собою, не испытывая ни радости, ни раскаяния, ни стыда. А Алексей был лишь несказанно рад тому,

что ещё раз увидел Шуду, которая, к тому-же, спасала его. Любовь не на словах, а на деле.

– Если бы Шуда не пришла на помощь, то мы бы уже были мертвы – рассуждал Алексей, уставившись в окно.

– Был бы ликвидирован Бодро, что в предстоящей войне было-бы жирным плюсом для любимой. Сбор песни был-бы прекращён и, тем самым, исчезла бы малейшая опасность проигрыша в войне. Даже гипотетическая. Пожертвовала всем ради меня. А я? Но чем же она пожертвовала, Алексей? Войной и алчностью? Ради любви?! Да как ты можешь любить такую Шуду? Отстань! Я буду любить её вечно.

В дверь тихонько постучали. Несмотря на ранний час, кому-то тоже не спалось, и Лёша решил выяснить кому именно.

– Да, да – выдавил он.

Дверь тихонько приоткрылась и в проёме показалась сначала голова Гурда, а затем и Бодро. Лёша вновь взял бинт с тумбочки, ибо губы вновь не простили ему улыбки. Две физиономии тоже улыбались, но Бодро улыбался несколько виновато. Он не спал ночь напролёт. Лишь перед самым рассветом Рыцарь Духа вылетел из реальности и исчез в бездне спокойного сна. Ему снилась Хоса и Феникс, Деждана и Шуда. Они замышляли убить его, намеренно громко разговаривая об этом, и то и дело, поглядывая на него ужасными, злобными глазами. Губы их страшно искривлялись, когда они упоминали Бодро. Они желали, чтобы Рыцарь Духа дрожал всем своим телом и трусливо бежал от них, куда гла-

за глядят, но Бодро несколько не боялся их. Он вдруг проникся к ним состраданием и горько, со слезами на глазах, смотрел на них. Огненный Феникс всё никак не мог влиться в компанию. Он метался, создавая огненное зарево, но три девушки не обращали на него никакого внимания. Они вдруг встали и, сжимая оружие, двинулись на Бодро. Он, раскинул руки и плача пошёл им навстречу. Он до последнего надеялся, что они не причинят ему вреда. Он хотел сказать им, что достаточно крови и искренне хотел их обнять. Но, вместо этого, Шуда первая вонзила в Бодро свой меч. Затем ещё и ещё... Мука была адской. Бодро всё не умирал, а тело его резали и кромсали, протыкали и рвали. Придя в ярость от того, что они никак не могут убить Бодро, они топтали его израненное тело ногами и били его руками. А он светло смотрел на их обезображенные непонятым гневом лица и улыбался.

– Чего вы добиваетесь? – тихо и спокойно спросил он.

Вдруг разъярённый Феникс, выскочил за их спинами и, расправив огромные полыхающие крылья, гаркнул так, что затряслась реальность. Они обернулись и в тот же миг огненная птица сожгла всех до тла, кроме Бодро. Они, возрождённые из пепла, замерли и потрясённые, смотрели на израненного Бодро. Руки их задрожали, и они, ошеломлённые, тут же выбросили оружие.

Рыцарь Духа проснулся и долго не сводил глаз с потолка.

– Господи, неужели Хосвод был прав? Неужели надо было

отдать этот злополучный тубус, в ту злополучную ночь?

Алексей ни одного мгновения не таил обиду на Бодро или кого бы то ни было другого. Вообще ни на одного человека во Вселенной. Мало сказать, что он умел прощать, нет, здесь было нечто другое. Это было совершенное неумение принимать обиду. Впускать её в себя. Когда его критиковали, он не обижался, а прислушивался, когда его предавали, он не огорчался, а извлекал уроки. Да и не был он вовсе уверен в том, что жизнь наша – это наше построение, правда не был он уверен и в том, что всё в ней предрешиено.

– Господи! Прошу, ответь! Жизнь – это судьба или судьба, сотворённая нами?

Алексей всегда помнил, что предательства совершаются чаще всего не по обдуманному намерению, а по мимолётной слабости характера (Франсуа Ларошфуко). Да и до конца Алексею не было понятно, какое же оно предательство, Чёрное или Белое? Да и не воспринимал он поступок Бодро, как предательство. Так воспринимал его Бодро и это, как раз и мешало сейчас Алексею воспринимать его, как прежде. Какое-то ранее не знакомое чувство едва уловимо присутствовало в Алексее, и оно ему совсем не нравилось.

Чему Лёша был по-настоящему рад, а по-другому он радоваться ещё не умел, так это тому, что все, кроме него, вышли из тяжелейшего боя, практически без повреждений.

– Как странно – думал он – жизни висели уже даже не на волоске, а победу одержали практически без ранений.

Господи неисповедимы пути твои.

Алексей изумлялся победе. Такое не серьёзное, какое-то мелкое решение предопределило исход тяжелейшего боя. Он неожиданно вспомнил, как Ерма с горящими щеками выбежала во двор, к готовому уже к отъезду отряду. Как она смотрела на Бодро! Господи, её взгляд! Как она дала Алексею сил в бою с огненным безумием и простой её наказ защищать любимых, любой ценой, вклинился в сознание и остался там навсегда.

– Победа любой ценой? Помнишь свои терзания? – Лёша, даже видел ухмылку внутреннего своего вечного спутника – может быть, было-бы лучше, если бы вы все погибли? Почернели бы в водах озера Хартс и всё! – вдруг дерзко, с жестокостью прозвучал резко изменившийся голос.

А сейчас, глядя на счастливые лица друзей, Лёша не был до конца уверен, был ли этот самый бой смертельно опасным. Но тут же лопнувшая губа и ноющая боль обожжённых лица, рук и ног – всего тела – прогнала эту мысль.

Дверь распахнулась шире и в его вынужденную обитель вошли два дорогих Алексею человека. Он искренне был рад видеть их.

– Господи, друг мой, ты жив? – обеспокоенно спросил Бодро. Его скованность сразу бросилась в глаза Алексею. Вопрос прозвучал чуть громче шепота.

– А разве друг может умереть? Друзья мои! Разве может? Лёша искренне улыбался, а Бодро несколько стушевался. Он

опустил глаза и чуть сжал зубы, но тут из-за его тёмной спины выскочил Гурд.

– Ну как ты? – издевательски-шутливо спросил лучник. Несмотря на это, вопрос развеселил Алексея. Губы его поплыли, игнорируя Бодро. Забинтованная мумия хотела было, в тон, ответить другу, что всё просто отлично, но Гурд не дожидался ответа. Он присел к медицинской тумбочке и несколько беспардонно, с показным каким-то нахальством, хватал с тумбы разные пузырьки и баночки и лишь мимолётно глянув на них, с небольшим стеклянным звуком, грубо ставил их на место.

– Они, что, намазали тебя всем этим? – искренно удивляясь, спросил Гурд.

Алексей очень хотел рассмеяться. Рассмеяться тем звонким, открытым смехом, который он никогда не забудет. Ему хотелось, смеясь, хлопать по плечу друга, который знал, что делает. Заглядывать в его искрящиеся глаза и выплёскивать на друга то тепло, что в этот момент зародилось внутри Алексея, благодаря Гурду. Отдавать открытое тепло, за тепло «скрытое». За его поддельную естественность, что далась другу очень тяжело. Внутри Лёши вдруг стало тепло и хорошо. Маячивший за спиной лучника утренний снег падал точно так же, как и час назад, когда Алексей грустил.

– Да, Гурд, представляешь?! – по-настоящему весело ответил Лёша – и ещё они меня чем-то поили, а ещё – Алексей выдерживал паузу – а ещё – задорно повторил он. Не смотря

на вылезавшее из друзей нетерпение все молчали, замерев в ожидании.

Как красивы они были сейчас! Они были людьми, охваченными настоящим, человеческим проявлением жизни.

– Мы добыли следующее предложение из песни! – забыв о тайне миссии, насколько мог громко выпалил Алексей и сделал несколько скованных, корявых танцевальных па.

Они хотели его разорвать. Но даже за простые объятия приходилось платить.

Просто обнять... Мммм... Почувствовать внутреннюю жизненную силу другого человека, его биоритм и частичку его Вселенной. Когда обнимают искренно, то обнимают с любовью. Пусть эта любовь разная – это ничего не меняет. Она приближена к совершенству, как и любая другая любовь. Ни больше, не меньше. Пусть она вспыхнула в тот самый момент, когда две галактики – два человека – соприкоснулись и просто обнялись. Это сияние вселенского масштаба, и оно останется надолго. Оно будет играть в человеке, как тысячелетнее вино, в древней бутылке. Его аромат невозможно будет быстро забыть. Преломляя собой, безразличный солнечный свет, счастливики, подобно волшебникам, будут превращать его в лучи, дарующие радость жизни. Алхимики света. А что же катализатор? Любовь. О! мега сила альфа порядка.

А есть объятия совсем пустые и даже враждебные. Их используют при встрече ни друзей, но врагов. Хотя открыто

им об этом не говорят. Лицемерие. Менять лица много раз в день стало обыденностью. Но иногда лицемерие помогает избежать откровенной вражды, а то и войны. И – как результат – сохранить множество жизней или/и получить блага для народа. В её объятиях уже давно живут все «передовые» профессии планеты. Интересно, есть ли люди, внутренний, врождённый ориентир которых, позволяет с лёгкостью перешагивать через себя?

Но, зачастую, лицемерие ведёт к негативным, а иногда и просто к катастрофическим последствиям. Хотя, возможно, оно всегда ведёт только к ним.

Так какое же ты, лицемерие, Алёшка? Чёрное или Белое?
– Ты сейчас мне все лекарства перебеёшь – с напускной строгостью произнёс Алексей – хочешь, чтобы я умер?

– Что ты, друг мой! Ты же теперь мой должник – ответил Гурд.

– Должник?

– Ну да.

А затем тихо и строго. С восхищением и любовью.

– Я же потратил все свои стрелы, друг. Кто же мне теперь будет их делать?

Обнялись, как братья. Бодро и Гурд смотрели на обожжённое лицо Алексея и по их щекам текли слёзы. Горечь их была не понятна никому. Одна их часть горчила от сострадания, другая часть добавляла сладость победы и продвижения вперёд по сбору песни, третья и горчила, и сладила – ра-

дость крепкой дружбы.

– Хосвод – начал было Бодро.

– Никаких слов. Я хочу отдохнуть. Благодарю вас, мои друзья, что навестили меня, но я, пожалуй, посплю. Вымчитесь, пожалуйста.

Алексей переглянулся с Бодро. Они оба вдруг вспомнили тот далёкий вечер, когда они обсуждали Гурда, и Алексей вежливо попросил Рыцаря продолжить обсуждение в другой раз, а тот, немного насупившись, проговорил Алексею, как выгоняют настоящих друзей. Лёша пытался прямо сейчас, хотя бы частично, вернуть себе состояние того вечера. Вечера, когда взвешивая Шуда была для него, чем-то вроде иллюзорной мечты. Он слышал ото всех, что она реальна, но тогда он ещё не до конца верил в это. Все убиенные после этого вечера, были ещё живы и Ерма, и Деждана и многие другие. Жизнь шла неспешно, и все были так счастливы, хотя, как обычно, этого не замечали. Как они могли пропустить это мимо своих красивых глаз? Когда его душа не вопила:

– ПОЧЕМУ?! Почему всё так, Господи?

Она задавала этот вопрос лишь тогда, когда было нужно. Но кому нужно? Совести, духу, плоти, душе? Разуму? Уму? Уму. А он вообще принимает участие в жизни? Или он только портит её? И кто он на самом деле? Уничтожитель?

Человечеству давно понятно, что совершенно не понятно, от чего зависит гений. Эмпирически было доказано, что размер мозга ну никак не влияет на то, будет ли тот или иной

человек гением или нет. У гениальных людей человеческой истории были, как и просто огромные головы, так и совсем крохотные. Так же доказано, что сам мозг не особенно менялся в размерах на протяжении десятков тысяч лет, если это и имеет какое-то отношение к жизни людей.

Неминуемая поступь судьбы? Или создание реальности посредством мышления и реализации в жизнь? Судьба, сотворённая нами?

– Мы зайдём к тебе позже, Блистательный наш Хосвод – сказал, глядя прямо в лицо Рыцарь Духа – поправляйся и ни о чём не думай. Всё будет хорошо.

Лёша тепло смотрел на Гурда и Бодро.

Друзья ушли, позабыв спросить, как, собственно, звучит добытое ими предложение из песни. Хосвод, как друг, как человек, вдруг стал им ценнее, чем их сверхзадача, по спасению сотен тысяч человек.

4. ШУДА, ДОБРОТА И ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Предательство. Шуда читала о нём в ветхой серой книге, когда была маленькая. По недосмотру она, шустрая и задорная, смогла умыкнуть её, когда Отец был очень занят. Это была вторая книга, которую Шуда прочла. Она называлась «Собрание сочинений о прелестях жизни на Земле. Предательство». Читать же Шуда училась по толстой книге «Прелести человеческой души».

Только лишь Шуда оказалась в своём любимом укромном месте она, в мгновение ока «повзрослев», с важным видом, начала осторожно изучать «Предательство».

– Отец скоро поймёт, что книга пропала, поэтому нужно быстрее её почитать – думала маленькая девочка и, с важным видом, перевернула первую страницу. Она сразу поняла, что фолиант был старым и то, что к нему нужно очень бережно относиться. Маленькая Шуда более аккуратно переворачивала склеенные листы, и всё время смотрела на свои пальчики, проверяя, не грязные ли они, дабы не запятнать белизну очищенной бумаги.

– Однажды, когда наш ненаглядный мир был ещё очень, очень мал, в неведомой земле жили чудесные люди – при тусклом свете, спрятавшись ото всех на свете и испытывая волшебную внутреннюю радость предчувствия, начала чи-

тать Шуда.

– В этом укромном уголке Земли легко соседствовали величественные заснеженные горы и пышущие здоровьем зелени, роскошные леса. Упавшая с самих небес мягкая трава манила и звала пройтись по ней босиком и почувствовать радость, с которой тебя встречает сама мать—Земля. Эту радость она жаждет передать тебе через твои святые босые ноги. Через твоё чистое сердце. Через твои тёмные мысли. Она жаждала сообщить, что твои тёмные мысли, могут оказаться, на деле светлыми и наоборот. Но это было где-то далеко впереди. А сейчас, всё в этом счастливом мире было предельно ясно.

– Я не всё поняла, ну да ладно – сделала вывод о прочитанном маленькая крошка.

– Какая это благодать! – вспоминая, думала взрослая Шуда – точно знать, где тьма, а где свет! Как это невероятно много!

В читающую строчку за строчкой маленькую Шуду проникло детское, недостижимое счастье. Её искрящиеся, широко открытые глаза, готовы были съесть каждое древнее слово.

– Их аккуратные, ненаглядные домики были рассыпаны по всегда богатому предгорью. Летом совместных, весёлых гуляний, как и совместных отрадных трудов, было ничуть не меньше, чем зимой. Строили новые дома, пасли скотину, заготавливали корма и дрова, охотились и ходили на круп-

ную рыбалку. Жили долго и редко болели. По-настоящему дружили и не знали предательства, не знали войн, жажды власти, богатства и славы. Добрые, отзывчивые люди очень любили жизнь и смаковали её минутами. Никто никогда не работал на этом человеческом острове. Здесь все люди имели счастье только трудиться.

Маленькая Шуда опять не совсем поняла, о чём идёт речь, но, где-то внутри, на уровне духа существовало понимание прочитанных слов. Это понимание было не чётким потому, что она сейчас могла только трудиться – играть. От всей души и с огромным удовольствием. Мало кому из взрослых посчастливится трудиться. Юношескому сообществу далеко до взрослой радости. Но, быть может, через совсем короткое время юноша повзрослеет и превратится в справедливого, мудрого и красивого мужчину. Или он погибнет, так и не сумев научиться жить?

– Вождь племени в поселении, конечно, был. Это великое для соплеменников звание носил избранный волхвами. Это мог быть как мужчина, так и женщина. Эта святая обязанность не передавалась по наследству. Это было глупо и никогда не приходило в головы сотням вождей.

– Зимой, покрытое снегом, затерянное на счастье, древнее селение выглядело ничуть не хуже, чем летом. Из всегда нарядных праздничных домиков не спеша струился дымок, растворяясь в голубом, как глаза малютки, сказочном небе. Охотники, возвращаясь с охоты, весело шутили и балагури-

ли, радуясь хорошей добыче. В их домах счастливые жёны и уж, тем более дети, сновали по дому, накрывая на стол. Супруги, чуть ли не со слезами на глазах встречали своих мужчин, хотя охота была не очень опасна. Просто даже краткосрочная разлука была для них невыносима.

– Ужин, что вкусней царского пира, радушно встречал жителей дивного дома. Лёгкий его аромат носился по кухне, охотясь на людей, а те были рады стать его добычей. Счастливая дева ставила на стол архи-напиток из молока, и семья садилась за радушный богатый стол. Пепельный красавчик-кот, большими влюблёнными глазами, облизывал дорогих ему людей. Он – сытый – обязательно подойдёт к каждому, чтобы заглянуть в глаза и пожаловаться на то, как он голоден! Или лишь для того, чтобы увидеть такие глаза!

– Ушедшие к Отцу не оплакивались. С ними просто прощались, как с людьми, ненадолго оставившими своё племя, а маги, по только им ведомым законам, просчитывали, когда и в ком вернётся ушедший. Они никогда не ошибались – подтверждённый единожды закон был верен для всех частных случаев. Этим высоко духовным людям дорог был каждый умерший и поэтому они делали свои расчёты по каждому человеку, хотя занятие это было далеко не простое.

– Когда самому младшему волхву исполнялось 80 лет, в день, когда с Востока падали звёзды, люди собирались на площади, где, во главе с вождём, маги выбирали себе учеников. Устраивался костюмированный праздник, где было

невозможно узнать детей. Но волхвы видели не лица, а внутреннюю силу. Она, без всяких расчётов, прямым текстом общала им о том, кто должен будет занять их места. Утром несколько семей будут счастливы ещё и от того, что их ребёнок, совсем скоро будет обучаться древнейшему искусству, которое само по себе есть один из великих секретов мироздания.

Вновь обретаемый пост не нёс в себе никаких запретов, кроме всего лишь двух – никому не рассказывать о полученных знаниях и не использовать полученные знания вне стен святилища. Нарушителя изгоняли. Но закон этот был почти забыт, потому что ещё ни разу не был нарушен.

Укрытая ото всех расписная деревушка так жила и засыпала тысячи лет.

Маленькая Шуда легла на спину и, затаив дыхание, перевернула ветхую страницу.

– Однажды, в семье вождя родился мальчик. Отец дал ему тёмную душу – с отвращением вспоминала эти строки взрослая Шуда – а мать дала ему светлое имя. Она назвала его Предательство.

В другой, обычной семье плотника, в эту же ночь родилась девочка. Отец дал ей светлую душу – с упоением вспоминала эти строки взрослая Шуда – а мать дала ей тёмное имя. Она назвала её Доброта.

Маленькая Шуда была захвачена рассказом, хотя имя мальчика она не совсем понимала.

– Я вовсе не знала, что значит предательство – с улыбкой вспоминала себя несмышлёной крошкой повзрослевшая Шуда – а вот с добротой всё было иначе – и блистательная тяжело вздохнула.

– Летели года. Девочка, едва ей исполнилось пять лет, была избрана волхвами и теперь, вместо детских игр, ей приходилось всё своё время тратить на обучение. Но не прошло и месяца, как Доброте понравилось учиться и она, позабыв обо всём, поглощала знания. Мудрые старцы знали, как надо учить – Доброта познавала секреты мироздания играючи. Она всегда удивлялась их простоте.

Предательство рос мальчиком, который очень отличался ото всех, что ему очень нравилось. С детства внушив себе, что он, как сын вождя, имеет большие права, чем остальные, в нём поселилась показная гордость и, в первое время, небольшая заносчивость. Он не любил людей и сожалел, что ему приходится говорить с ними. Он всегда удивлялся их простоте.

Пятнадцать лет сменили пятнадцать зим, и лишь несколько камней упало с горных вершин за этот миг, тогда как наши дети изменились до неузнаваемости и стали взрослыми. Доброта из маленького создания превратилась в прекрасную девушку, поражающую всех жителей своей мудростью, нежностью и красотой. Она была лучшей ученицей из когда-либо живших на этой Земле.

Предательство тоже был бессилён перед безразличным

временем. Оно превратило его в красивого мужчину, но люди его не очень любили и старались, как можно реже даже просто разговаривать с ним, несмотря на то что он принимал активное участие в жизни селения. Люди видели и чувствовали презрительное отношение к ним.

Однажды в лесу она собирала лечебные травы, когда услышала сдавленный стон. Осторожно пробираясь сквозь чащу, Доброта увидела Предательство. Он, опершись на дерево одной рукой, держался за бок другой. Она выронила корзинку, когда увидела, у него проступившую сквозь рубашку кровь.

Они время от времени встречались, и он нравился Доброте, а она нравилась Предательству. Эта симпатия существовала до тех пор, пока тот не узнал, что она из семьи плотника, а не урождённая в высшем сословии, деление на которые, впрочем, у Предательства не было. Для него все люди служили лишь для того, чтобы удовлетворять его желания и прихоти. Они были для него инструментами, а как ими пользоваться, не имело значения. Все способы приемлемы.

Тон при их общении у него несколько не изменился. Только лишь про себя, он насмешливо стал звать её выскочка, и это иногда отражалось при разговоре. Обидные намёки о происхождении и мнимой скудности ума, Доброта прощала Предательству. Она делала это легко, и ей это вовсе не было в тягость. У неё не возникало и мысли, чтобы прекратить общение ни с ним, ни с кем-либо ещё. Для Доброты

весь мир – это добрые, иногда просто немного заблудившиеся люди. Предательство это выводило из себя. Худшей реакции для него было трудно представить. В итоге, как это ни странно, общение прекратил именно он, а она на нём больше не настаивала.

И вот теперь, когда нужно было действовать без промедления, действовать – помочь, перевязать, бежать за помощью – Доброта вдруг застыла. Она смотрела, как он сползает по стволу дерева и скрывается в высокой траве. Предательство не кричал о помощи, а Доброта её не оказывала!

Еле различимый стон вывел её из прострации, и она бросилась к нему сквозь завесу травы. Когда он увидел, что кто-то продирается через заросли, лицо его просияло надеждой. Он даже робко улыбнулся от радости, но, когда Доброта на него взглянула, улыбка исчезла с его лица.

– Что случилось? – тревожно спросила она.

– Это не важно! Ты не находишь?! – прозвучал ответ, который её ошарашил. Доброта никак не ожидала, что Предательство себя так поведёт.

– Да, ты прав, прости – неожиданно произнесла небесная красота – мне надо посмотреть, что у тебя за рана. Позволь я расстегну твою рубашку.

– Расстёгивай.

Трясущимися руками Доброта всё-таки справилась, и перед её взором предстало тренированное мужское тело.

– Красивый – мелькнула мысль.

– Ты же, как вас там, волхв, маг? Так?

– Да, всё так.

– Хорошо. Ты можешь остановить кровь?

– Мне нужно взглянуть на рану. Убери ненадолго руку, пожалуйста.

Он испытующе смотрел на неё и нехотя отвёл руку в сторону. Разрез был глубоким и длинным. Доброта поняла, что спасти Предательство должна будет она. Но как?

– Рана очень серьёзная. Нам нужно действовать прямо сейчас.

– Да, что ты! Ты до этого сама додумалась или тебе кто подсказал?

– Он просто заблудился, он просто заблудился – повторяла про себя чудесная малышка – он злится потому, что боится, вот и всё. Другой вопрос – что мне делать? Господь, пастырь мой, что же делать?! Предательство зло смотрел на Доброту.

– Сделай же хоть, что-нибудь!

Кровью залило всё. Его руку, часть живота и ногу. Доброта мельком увидела внутренности Предательства, и ей вдруг чуть не стало плохо.

– Я думаю, мне простят то, что я сейчас сделаю. Она нежно посмотрела на него.

– Закрой, пожалуйста, глаза и ни о чём не спрашивай.

Справившись со своим дурным приступом и ничего не сказав в ответ, он закрыл глаза, а Доброта готовилась на-

рушить один из главных запретов волхвов.

Они не лечили людей в условиях, когда будет необходима демонстрацию их сверх способностей посторонним. Табу лечить тех, кого они СЛУЧАЙНО встретили, и кому случайно понадобилась их срочная помощь. В этом случае – и они это точно знали – это воля Создателя. В такой ситуации волхвы, под страхом изгнания, не должны были противиться, Его воле, а уж тем более, пытаться пойти ей наперекор. А ОН, быть может, ждал такого человека тысячи и тысячи лет.

Доброта долго не могла свыкнуться с этим запретом. Как назло, ей постоянно приходилось быть свидетельницей таких ситуаций. Тогда, как всем остальным врачевателям они выпадали, на жизненном пути, всего лишь несколько раз, её они буквально преследовали. Или Доброте это казалось. Как-бы то ни было, она считала, что их в её жизни было, ну просто очень много.

Между тем у Предательства вдруг спало напряжение. Он, как-то весь обмяк и расслабился. Его рука самопроизвольно легла вдоль тела, обнажая рану. Сквозь полуоткрытые глаза он видел, как Доброта, испытывая большое напряжение сил, лечила его. Реальность задрожала в области страшного разреза, и кожа вдруг пришла в движение. Она состыковала свои края, и атомы воздуха преобразовались в другое вещество – в саму плоть раненого. Округлившимися глазами смотрел Предательство на то, как Доброта творит чудеса. А она, испытывая огромные перегрузки и потратив колос-

сальную энергию, рухнула в ноги Предательства.

Наваждение прошло. Он дёрнулся и увидел её лежащую без чувств. Слабая боль напоминала о приключившейся большой беде и не более. Он несколько раз провел рукой по месту ранения, но не смог даже точно это самое место определить теперь. Доброта излечила без следа.

Взрослая Шуда вспоминала, как она радовалась поступку тёти. Она была уверена, что тётя поступила правильно. Она бы поступила точно так же.

Прошло два месяца. Предательство будет так же, как и до своего спасения относиться к Доброте – пренебрежительно и заносчиво. Однажды, в пылу несерьёзного спора, он прилюдно назовёт её преступницей. Разгорячившись, Предательство, во всех подробностях, расскажет о том, как его спасла Доброта, нарушив Закон. Её душа не выдержит. Она, в этот же день расскажет о случившемся своим любящим её учителям...

Предавший будет наслаждаться, видя Доброту на позорном суде. Его лицо будет самым злорадным из всех. Его кривая усмешка и весь его ненавистный вид, породит в жителях новое для них чувство. Чувство это называется жгучая справедливость... С трудом они сдержат себя во время рассмотрения дела. Но вердикт будет жгуче-справедлив. Они изгонят Доброту. И встав на этот путь, через ничтожные восемь тысяч лет от счастливых поселений не останется и следа. А законы примут нелепые, громоздкие извращённые формы,

и будут главенствовать лишь над определённой категорией людей. Над теми, в рядах которых всё ещё бродит изгнанная, из-за Предательства, Доброта.

Маленькая Шуда, со слезами на глазах, захлопнула глушую книгу. Она была готова изорвать её в клочья!

– Как они смели?! – всё твердила она, приближаясь к хранилищу – кто они такие и как они смели?!

Открыв дверь, она наткнулась на Отца, но сил что-то делать уже не было. Шуда, бросив книгу на пол, горячо Его обняла.

– Почему? Почему всё так, Господи? – повторяла она вопрос, а Он гладил её по святым волосам.

– Пап, пап – произнесла Шуда всхлипывая – скажи – это была её судьба или судьба, сотворённая ею? Ну, пожалуйста, скажи.

А Он лишь загадочно улыбался, источая чистую любовь. Он наклонился к её ушку и произнёс.

– Ты ещё слишком мала, Шуда, чтобы знать ответ на этот вопрос. Придёт время, и ты всё обязательно узнаешь.

– Я забыла спросить у Него тогда – сколько же нужно ждать?

А, чтобы произошло, если бы Доброта не спасла Предательство? Каков был бы конечный итог? Господи! Неисповедимы пути твои, но ведут они всегда к одному и тому же, даже когда пути кажутся такими разными.

И он умер, так и не дождавшись от неё помощи. Он ал-

кал её, но она не настояла на своём. Она была недостаточно твердо, а он был недостаточно мягко. Доброта погубила Предательство. Она вернулась в деревню истерзанная и вся в его крови. Дойдя до святилища, она, ненавистно взглянув на своих учителей, уйдёт в свою комнату, не сказав им ни слова. В клочья, изорвав свод законов, она – решительная – выйдет к собравшимся с блистающими глазами. Незнакомый гнев, который никогда не приходил к ней, накроет с головой. Даже у Доброты есть последняя капля. Эту смерть она не сможет им простить.

– Что случилось? – спросил её старший волхв с лукавой усмешкой.

У неё сложилось впечатление, что он обо всём и так знает, но она ответила.

– Я вам покажу, где лежит тело мужчины. Его зовут Предательство. Я не смогла спасти ему жизнь, подчиняясь вашим глупым законам. Пусть родственники заберут его. Глаза били молниями всех, кого видела Доброта.

– Я же больше не могу и не хочу жить в нашем селении, и никто не вернёт меня, как и Предательство, которого я убила.

– Девочка моя... – начал, было её учитель.

– Я НЕ ВАША ДЕВОЧКА БОЛЬШЕ! Я – УБИЙЦА!

Её слова оглушили ошеломлённых старцев. С полуоткрытыми ртами они наблюдали, как рассвирепевшая Доброта покидает их обитель.

После этого они не изменят свои законы, как и больше никогда не увидят Доброту.

В одном случае Доброта будет изгнана, в другом – уйдёт по своей воле... Итог один – Доброта есть в каждом, но не всю жизнь. Она способна справиться с любым грехом, любым, применяемым ею способом. Слепое следование законам, написанными людьми, которые утратили доброту, приведёт к бессердечию.

Какой поступок совершила Доброта, Чёрный или Белый, Алёшка?

Ведь она нарушила запрет такого порядка, как «Не убей»! Это было громадным происшествием!

Господь!

Для меня ответ очевиден, ты уж прости.

5. БАРАК НОМЕР ТРИ

Венга очень раздражала глупость. Она внутри него всё приводила в движение. Внутренний огромный колокол сотрясал его существо, когда он был её свидетелем. Его звон разлетался по его телу и мозгу, заставляя зубы сжиматься всё сильнее и сильнее. От этого зычного внутреннего раската у него всё клокотало внутри, и огромный тайшан терял контроль на глазах. Вся его низшая природа выходила наружу, и он становился жалок, но сам Венг полагал, что он ни в чём не виноват. Он считал, что во всём виноваты глупые существа, которые не понимают его намеренно.

– Ну, что?! Что было не понятного в отданном мною приказе?! Вроде бы способных разведчиков отправлял, а на деле оказались – дурачье! Где эти болваны теперь? Думаю, что, в лучшем случае, в могиле.

Он встал с трона и заходил по залу.

– Войска приведены в максимальную боевую готовность, и теперь все мы оказались в роли ожидающих. Когда же Шуда призовет нас на войну? Невыносимо это ожидание!

Доблестный командующий знал, что скука и бравада приводят к ошеломительным последствиям.

– Какой барак несёт дежурство? – вдруг родился вопрос и Венг взял со стола журнал. Он провел пальцем по бумаге – барак номер три. Пойду, посмотрю, как они исполняют свой

долг.

Стемнело. Венг вышел из крепости и направился к старшему ночному дежурному по обороне. Такой офицер должен был курсировать от отдельной комнаты в бараке, до постов. Делать это он должен был не по времени, а неожиданно и сколько угодно раз. И сейчас Венг не был уверен, что застанет того в бараке.

Выявить нарушения дисциплины было практически невозможно потому, что они допускались крайне редко. И вызваны они были не исполнителями – воины выполняли все приказы точно и чётко – а командирами. Поэтому Венг очень редко лично обходил посты. Он проверял только офицеров и зачастую имел к ним много вопросов. До этого вечера командующий, уже как несколько месяцев никого не инспектировал. Крайне напряжённая обстановка в мире расставила приоритеты, оставляя проверку несения дежурств вне списка необходимых дел. Теперь же, когда обстановка раскалилась до бела и остановилась в этом состоянии, необходимость проверки ворвалась в его список и заняла в нём призовое место. Он был рад этому. Огромный тайшан не переживал, что люди Цето смогут проникнуть в цитадель или неожиданно оказаться у ворот его столицы.

– Люди Цето вовсе не глупы, чтобы броситься в подобные авантюры. Для покорения Муфата у них нет достаточных знаний о Граде, а идя напролом они окажутся в таком ужасном положении, в которое хотел бы их привести только

самый злейший враг – размышлял Венг – поэтому моя проверка не носит характера проверки, а скорее служит мне развлечением. Способ отвлечься от главных и не проходящих мыслей. Мыслей о предстоящей войне.

Довольно крупный скорпион не успел выбежать из-под огромной ноги Венга, и тот раздавил его, входя в барак №3. Командующий даже не услышал хруст и вообще не заметил ночного охотника.

Огромный мрачный коридор тускло освещался двумя фонарями и упирался в дверь. За дверью располагалось спальное помещение, куда Венг не собирался идти. Его интересовали комнаты офицеров, которые находились слева и справа от этого помещения. Их двери едва виднелись в этой полутьме. Он страстно хотел увидеть офицера спящим, но ему это еще никогда не удавалось. Он даже никогда не видел офицеров заспанными. Они всегда были бодры и свежи.

Только переступив через порог барака, Венг сразу же почувствовал чье-то присутствие. Не успел он подумать, каким образом он будет проводить проверку, как услышал возглас дежурных разведчиков, которых командующий не видел до самого последнего момента.

– Командующий в доме! Смиренно!

Мгновенно зажглись все фонари и немного ослепили Венга. Как джинн из лампы выскочил из офицерской комнаты тайшан и в мгновение ока, со смиренной стойкой, рапортовал Венгу о нарушениях, выявленных в процессе дежурства,

численности солдат и другие сведения. В это время весь барак по стойке «Смиренно» вытянувшись уже стоял в этом коридоре. Даже командующий был удивлен тем, насколько быстро всё это произошло, и тем, как выглядели его тайшаны!

– За такое короткое время они успели надеть на себя доспехи и взять оружие, не допустив ни единой ошибки – думал Венг, пропуская не интересный доклад офицера мимо ушей. Он неспешно прогуливался вдоль строя, рассматривая своих солдат, смотрящих в потолок.

– Они боготворят меня – думал с упоением Венг. Все тайшаны меня боготворят – лил как из ведра на себя Венг и даже чуть было не улыбнулся от улады.

– Как твоё имя, солдат – вдруг прогремел командующий и остановился, возле крупного тайшана.

– Меня зовут Верд, мой командующий – отчеканил тот.

– Тебе нравится твоя доля, Верд?

– На свете и во тьме нет ничего и близко похожего на моё счастье, которое я испытываю, служа Вам, мой командующий. Венг изумился ответу. Солдаты редко могли дать ответ такой сложной формации.

– Хороший ответ, воин. Чем занимаешься, в свободное от тренировок время?

– Провожу время в столичной библиотеке, мой командующий.

– Что изучаешь? Военское искусство?

– Нет, главнокомандующий. Социальные устройства обществ.

– Для чего тебе это? – несколько удивлённо спросил Венг.

– Хочу для себя понять какое из них наилучшее.

– Молодец, хвалю – похлопал Верда по плечу Венг, пытаюсь скрыть опять к нему пришедшее удивление – что же мешает стать тебе офицером, Верд? Солдат немного замялся. Глаза его забегали по потолку и губы зашевелились, подёргиваясь. Венг был уверен, что солдат ему соврёт.

– Я ещё слишком молод и мало знаю, мой командующий. Я только иду в этом направлении.

У Венга слова солдата переворачивались на:

– Я разочарован в нашей системе и не вижу никакого смысла добиваться в ней успеха. С виду тихий, спокойный Верд вдруг показался Венгу опасным. Он ненавидел скрытных тайшанов.

– Да он бы предводительствовал свершись революция в Пограничных Землях – подумал Венг и сверкнул на солдата глазами – они здесь все такие, что ли? – у командующего нарастал гнев.

– Больше тренируйся и изучай тактику и стратегию войны и боя – назидательно произнёс Венг – и в скором будущем станешь командовать соратниками. Он ещё раз бросил недовольный взгляд и медленно зашагал дальше.

– Как зовут тебя? – спросил он у другого солдата.

– Ялов, мой командующий – отрапортовал воин.

– А тебе нравится твоя доля, Ялов?

– Нет, мой командующий.

Венг даже опешил.

– Один диссидент скрытый, другой открытый. А армия, вообще принадлежит мне или как?! Что в этом воинском подразделении вообще происходит? Я сейчас растерзаю командира! – мысли эти промчались в его голове мгновенно.

– Я не буду довольствоваться званием солдата, мой командующий – я отдам всего себя для достижения высших командных должностей, что я и делаю.

Венг взглянул на офицера, который тотчас же начал доклад:

– Все приказы исполняет безукоризненно. Имеет отличия за уничтожение конокрадов и сохранение государственной собственности, мой командующий. Много раз принимал участие в боях против разбойников, где показывал себя исключительно с хорошей стороны. Своим примером вдохновляет сослуживцев, и направляет некоторых на путь нужный.

– Оооо нет! – подумал Венг – ну и недоумок!

– Исключительно, правильно говорить исключительно, как храбрый, искусный и самоотверженный воин, направляющий других на путь истинный.

– Да, это не помешало бы этому Верду – зло подумал Венг.

– Тренируешься по усиленной программе?

– Да, мой командующий.

– Читаешь, что-нибудь в библиотеке?

– Нет, мой главнокомандующий, не в библиотеке. В комнате чтения война. Изучаю всё, что относится к воинскому искусству, мой командующий.

Венг одобритительно закачал головой.

– Что самое святое в Отечестве? – громко спросил Венг.

– Свят командующий! – громко выкрикнул Ялов.

– Ты, Ялов, теперь всегда будешь нести службу с Вердом.

Вы станете боевыми братьями-неразлучниками. Верд – повернул главнокомандующий свою огромную голову – теперь Ялов твой боевой брат. Это мой приказ.

– Братья навек! Свят командующий! – прогремели хором десятки тайшанов.

– Всем отдыхать, офицер ко мне.

Чётко развернувшись, подразделение строем исчезло в спальном расположении.

– Надеюсь, в отряд внедрён лазутчик?

– Конечно, командующий.

– Надеюсь это не Ялов и не Верд?

– Нет, мой командующий.

Венг хотел было спросить, но не успел.

– Поводов для беспокойства нет. В отряде высокий боевой дух. Никакого недовольства вслух не высказывается. Подразделение дружно и всем не терпится вступить в бой под нашими знамёнами – офицер опустил голову.

– У Шуды свои знамёна – подумал вдруг Венг – но она не сможет отказать мне в моих.

– Отлично. Продолжайте дежурство.

Чётко исполнив боевое приветствие, офицер удалился в свою комнату. Венг обвёл взглядом простые стены барака. Небольшая грусть вдруг проникла в него. Он лишь миг пытался понять почему, но не найдя причины, вышел из серого здания и направился в свои покои.

6. КОРОЛЕВСТВО КРИВЫХ ЗЕРКАЛ

Птица-почтальон из города Ялод прибыла рано утром. В послании было всего лишь одно слово. Цето два раза ронял маленькую бумажечку, прежде чем смог прочесть его. Слово, состоящее всего лишь из двух букв, подействовало на Цето, как заклинание, мгновенно лишаящее сил. Он, сжимая бумагу в руке, вдруг сполз по стене и глаза его наполнились слезами.

– Господи, благодарю тебя за моих друзей! Неужели мы сможем собрать легендарный распев воедино?! Господь ты не бросишь нас, я знаю.

Поднявшись, Цето пошёл в свои покои, обрадовать супругу полученным известием. К его счастью, Часстье проснулась. Она сидела у спального столика и приводила себя в порядок. Будет излишним говорить, что для Цето Часстье всегда выглядела потрясающе красивой. Снежный барс, живущий внутри покровителя Тёмных Земель, передал знания о том, что повелительница не спит. Он осторожно открыл дверь в покои, но заходить не торопился. Цето восторженно смотрел на не приукрашенную Часстье. На её несколько растрёпанные волосы и её настоящую кожу. На её морщинки и немного сонные глаза. Она увидела его в отражении зеркала и, засмущавшись, улыбнулась.

– Подглядывать нехорошо – помахала она назидательно баночкой с кремом.

– Мне можно – оправдывался Цето, улыбаясь – я всю жизнь за тобой поглядываю.

– Ты пропустил одну букву, любимый – она на него смотрела так нежно – позволь я научу тебя Азбуке – смеяась, произнесла она. Господи! Как они были горько-счастливы сейчас! Именно в этот час, именно в это мимолётное утро!

Цето обнял её за плечи, и они замерли, разглядывая себя в зеркале – Цето и Часстье. И только одна общая мысль терзала их души, она грызла их, как голодный дикий зверь.

– Как жаль, что мы без Ервы никогда не станем прежними!

– Мы отличная пара – произнесла Часстье – ты не находишь?

– Мы были созданы друг для друга, ты разве этого не знала?

Часстье намерено сделала недоуменное лицо, и как будто, с удивлением взглянула на Цето.

– Кто тебе это сказал? – игриво спросила небесная краса.

Теперь Цето изменился в лице и в тот же миг, миг, считающийся миллиардами людьми, вовсе никчёмным, покои наполнились звонким смехом. Часстье не смогла продолжить игру от переполнивших её чувств.

– Ты помнишь, как у нас всё начиналось? – спросил Цето.

– Я никогда не забуду, любимый.

Они замолчали и вновь смотрели друг на друга.

– Почему ты выбрала меня? – спросил Покровитель.

Покровительница вскинула брови, вспоминая начало их времён.

– Да, соперничество было не шуточным – произнесла Часстье – этот генерал... как его...

– Лиабел, его звали Лиабел любимая моя.

– Да, Лиабел, был очень красив, прости любимый за прямоту.

– Не за что просить прощения, нежная моя, его облик, действительно был прекрасен. И от этого я ещё больше изумлялся, почему ты выбрала меня?

– Это вопрос?

– Нет. Я давно ответил на него сам. На все свои вопросы прошлого я получил ответы. Ответ таится в тебе самой. Красивей и мудрей чем ты, моя Часстье нет никого на Земле. Наша жизнь даёт нам то, что мы заслуживаем.

Часстье недоуменно смотрела на Цето. Глаза её расширились от удивления, а на губах застыл вопрос о смерти Ервы. Цето гладил её – его родные волосы и как будто не замечал ошарашенную Часстье.

– Как ты думаешь, мы проживаем счастливую жизнь? – вдруг грустно спросил он, смотря на неё взглядом, что трудно описать. Дай Бог каждой, хотя-бы один раз в жизни смотреть в такие глаза! Этого хватит, чтобы вместе встретить старость.

– Да! Да мой любимый! Мы не бросали Ерву! – она вдруг заплакала и повернулась к нему – её отняли у нас! Мы не бросали, ведь так, ведь так, мой ненаглядный?! Скажи, ведь так?

Он обнял её крепче.

– Конечно так. Мы никогда бы её не бросили.

– Надо было её запереть, связать, оберегать и охранять, нашу Ерву, милый! Мы же не виноваты в её гибели?! Не виноваты, скажи?! Скажи мне, пожалуйста!

Часстье обняла его за пояс. Цето замер, рассматривая своё отражение. Он смотрел прямо в свои синие глаза. Что он пытался увидеть в них? Вину?

– Наши друзья справились с задачей. Вот их послание.

Из ослабевшей руки выпал пергамент с написанным на нём, всего лишь одним словом.

– Да.

Время прошло. Знать бы, что это вообще такое – время? День сменял ночь, и Лёша выздоровел. И хотя он всё ещё находился в лазарете, но дата выезда в столицу уже была известна всем. Через три дня отряд, в полном своём составе отправится в путь, если планета не расколется пополам.

Знаток зашёл к Алексею позавтракать. На столике стояли две чашки чая, повидло, варенье и всевозможные булки в небольшой плетёной корзинке.

– Завтрак богов – произнёс с улыбкой Лёша и взял булку, не выбирая.

– Скажешь тоже – сказал Дикарис, перед тем как откусить хорошо намазанный повидлом рожок.

– Ты довольно быстро выздоровел, мой друг.

Ему не мешал говорить рожок во рту. Алексей улыбнулся.

– Может, прожуёшь?

– Прожую, не беспокойся.

У Лёши булка чуть не выпала изо рта.

– Вижу и правда, тут беспокоиться не о чем.

Теперь чуть не выпал рожок.

Успокоились.

Наевшись, они попивали чай в тихой обители лазарета. Осязаемое спокойствие уютно и тепло накрыло двух человек. Над ними не висела обязанность о чём-то обязательно говорить или не говорить, что ещё хуже. Они знали друг о друге всё, что нужно знать и могли говорить друг с другом о чём угодно. Они не знали друг о друге того, что не надо знать и могли о чём угодно молчать.

– Об отъезде знаешь? – спросил Знаток.

– Конечно. Я уже думаю, что о нём знает даже Венг.

– И не говори! Разнесли по всей округе. Надо сказать Бодро, чтобы принял меры. Может кое с кем ему провести беседу?

– Да, Бодро умеет воспитывать – улыбнулся Лёша.

– Я, кстати, хотел тебя поздравить с полным выздоровлением. Прими поздравления. Ты отлично выглядишь, мой друг!

– Благодарю тебя, Знаток.

– Знаешь – после недолгого молчания продолжил Алексей – я, честно говоря, удивлён своему выздоровлению.

– Отчего же? – хитро улыбался Дикарис.

– Даже в моём мире понадобилось бы гораздо больше времени, чтобы выздороветь, после таких ожогов. Хотя мой прошлый мир обладал такими технологиями, которые просто недостижимы нашему миру. Так, конечно, было не всегда. Изучая древнюю историю человечества 21 века, я жалел людей, живших тогда. Я жалел их потому, что их терзали древние примитивные болезни, от которых они умирали. Было время, когда – ты не поверишь – причиной массовых смертей были обыкновенные болезнетворные бактерии.

– Кто?

– Бактерии.

У Знатка на лице отразилось полное непонимание.

– Это микроскопические живые организмы. Они могут быть полезны, а могут быть смертельно опасны.

– Каким же образом – Знаток смеялся, как ребёнок – эти – он опять рассмеялся в голос – БАКТЕРИИ могут быть опасны? Это смешное, нелепое для Знатка слово, вызывало в нём иронию и смех.

– Они влияют на человеческий организм, заставляя его функционировать по-другому. Не так, как того хочет сам человек.

Знаток рассмеялся опять, ударяя себя по коленям от за-

предельного веселья. Когда он закончил, то с жалостью посмотрел на Алексея.

– Если я правильно понимаю, древние люди твоего мира думали, что они заболевают из-за бол-лезне-вторных – еле выговорил Дикарис – бактерий?

– Да. И что смешного?

– Не обращай внимания, но слово бактерии смешит меня. А ещё более мне жаль этих людей. Я не представляю, как можно было так заблудиться. Ещё древнейший целитель нашего мира Феотраст говорил, что все заболевания происходят от упадка духа – Знаток в назидание поднял указательный палец вверх – и это уже давно подтверждено.

– Вы просто ещё многого не изобрели и ничего в этом вопросе не понимаете – возразил Алексей.

– Ну, скажи мне ещё, что мы дикари – бросил Знаток.

– Да нет же – начал, было, Алексей – просто...

– Просто посмотри на своё лицо в зеркало, на свои руки и ноги – перебил Дикарис – на них не осталось ни малейшего следа ожогов. Вообще ни следа.

Алексей действительно был очень, очень удивлён, когда ему объявили, что он здоров. Ещё более он удивился, когда взглянул на себя в зеркало! Он запомнил это своё удивление. Ни единого шрама! Даже в Новограде медикам бы понадобилась искусственная кожа, и гораздо большее время для реабилитации, тут же...

– Это другое – сказал он Знатоку, но сам никак не мог

найти объяснение, такому своему выздоровлению.

– Отчего же? Ты просто не знаешь этого простого механизма. Я расскажу – это не секрет. Все мази и эликсиры, думаю, покажутся тебе волшебными, но они – обыденность для нас. В них, действительно содержится магический ингредиент, сила действия которого зависит от человека.

– Как?!

– А вот так! Исход твоего лечения определял ты сам. В зависимости от желания жить, твоей жизненной силы и духа, что заключён внутри, эти лекарства высвобождают целебную силу.

– Ты хочешь сказать...

– Да, я хочу сказать, что исход твоего лечения мог быть совершенно другим. Ты мог остаться обезображенным на всё жизнь. Как, например шрам у Гурда. Хотя его выздоровление прошло хорошо. Но твоё выздоровление, Алексей... Оно действительно требует тщательного рассмотрения, но сейчас нет времени.

По виду Знаток Алексей понимал, что всё сказанное, правда. Она шокировала его.

– Как же лекарства взаимодействует с такими вещами? Это же невозможно.

– Бактерии помогают – произнёс Дикарис и рассмеялся вместе с Алексеем.

– Да я же серьёзно, Знаток.

– Знахари не расскажут секрет, даже под страхом сожже-

ния – серьёзно сказал Дикарис – только ученикам, приведённым к обету. Известно только, что в каждую приготовленную банку, знахарь добавляет частичку себя. В зависимости от человеколюбия и истинности намерения помочь человеку в избавлении от недуга наши лекари и различаются. Поэтому у одного знахаря мази и эликсиры имеют одну силу, а у другого другую.

Знаток помолчал.

– Тебя лечил не самый лучший. Это я думаю тебе понятно. Лучшие в столице. Но больной может восполнять недостаток знахаря, что ты с блеском и сделал. Плохие лекари выявляются на плохих больных.

Дикарис внимательно рассматривал Алексея.

– Внутри тебя, Лёша таится ошеломительная сила. Давай по душам?

– Давай.

– Я всё никак не могу понять, какой ты, Алексей? Чёрный или Белый? И хотя, в неминуемой войне, в главном её сражении, я уверен, ты будешь в наших рядах, где уже не будет важен твой свет, я, всё же, хотел бы узнать каков он у тебя?

Лёша задумался, но уже знал, что не сможет дать ответа. Он постепенно терял ощущение своей полной принадлежности к какому-либо свету. Всё в нём перемешалось теперь или всегда было перемешано. Алексей, уже не задумывался об этом, а на данный момент, как правильно заметил Знаток, вообще считал это не важным.

– Зачем это тебе, друг мой?

– Вот! Вот, что я хотел узнать! – оживился Дикарис – теперь я точно знаю! Я знаю, почему ты избранный! Ты не чёрный и не белый, и не серый! В тебе всё это существует одновременно.

– Как и в любом человеке, Знаток – удивился Алексей.

– Здесь ты не прав, друг мой. Тёмные люди темны во всей своей красе, как и белые люди ужасны в своей белизне. Про пограничных людей вообще не стоит говорить. Мне, лично они противны больше, чем наши откровенные враги.

– Нуу...

– Вот смотри – Дикарис встал – ты принял нашу сторону, сторону тёмных людей, ведь так?

– Так.

– Тааак. Тогда объясни своё светлое сияние, что спасает нас в самых сложных ситуациях, а? Почему сияние белое? Знаток был похож на старого противного следователя, только что изобличившего преступника, совершившего благой поступок.

– Значит Господь, посредством тебя, даёт нам понять, что истинно тёмный человек, коим ты вроде являешься, может нести внутри себя белый свет, понимаешь?! Конечно, понимаешь! Итак, если тьма, которая в тебе, свет, то каков же свет? Знаток на секунду замер.

– Пограничные люди все трусы, в большом понимании этого слова, поэтому ты к ним относиться никак не можешь.

Но, что-то у тебя от них то же есть, ты уж извини.

Дикарис разошёлся не на шутку. Он просто не давал и слова вставить Алексею.

– Значит ты у нас, с мизерной серостью чёрно-белый! Воистину ты таков. Ты бы смог сейчас покинуть Ялод или Армак, всё равно, и отправиться прямиком в Седицан – в столицу Светлых Земель, где тебя бы с радостью встретила Шуда. И, возможно, набравшись белого её света, ты бы одевался в битвах чёрным сиянием. Я прав, ответь, пожалуйста. Ответ искренно, так, как на самом деле думаешь.

– Я думаю, мы можем это предполагать, Знаток.

Алексей не знал, как будет реагировать на его ответ Дикарис. Они не сводили глаз с друг друга, но неприязни во взглядах не было. Лишь едва уловимое обоюдное огорчение. Причины этого огорчения у двоих друзей были разными.

– Ты мне дорог Знаток и я надеюсь, наш сегодняшний разговор не сможет навредить нашей дружбе.

Дикарис замер вновь и изменился в лице.

– Нисколько, глупый ты чёрно-белый человек. Помимо того, что мы настоящие друзья, я всегда помню, что, если бы не ты, весь наш отряд был бы мёртв или мы до конца времён служили бы несущему свет, в деревне Хосы.

– Люцифер – несущий свет... Душа, несущая свет вредит? А душа, несущая тьму полезна? Что это вообще значит? Полезна, значит, помогает людям? Получается несущий в себе тьму, должен помогать и несущему в себе свет, и несущему

тьму. Господи, как всё запуталось у меня в голове. Но как может помогать несущий тьму? – молча размышлял Алексей.

– Может, Алексей, ещё как может – вдруг раздался уже привычный голос в голове. В сознании вдруг родился образ его забытого начальника. Таким, как очень давно себе его представлял Алексей.

– Помнишь твоего работодателя? Не отвечай, я знаю, что ты его ни разу не видел, но скажи, какой в себе свет неизбежно нёс директор того банка, в котором ты работал?

Замешательство.

– Я тебе и здесь помогу. Он нёс в себе свет, а дарил вам тьму, но он не был в этом виноват и, некоторое время, был уверен в обратном, пока сам не пал душой ниже своего рядового сотрудника. Но он дарил тебе сытую жизнь, которая, со временем, сломала бы тебя, как сломала всех жителей Новогграда. Все они превратились в раздражительных, ленивых, сонных червей – назовём их так. Тебя же от слома сберегла только вера. Но если взять твоего директора, как человека, то он ужас во плоти! Личная его внутренняя ценность, что не имеет цены, была намеренно уничтожена им самим. Когда его неизбежно спросят про его дела и поступки, он по привычке будет лгать, не понимая, что справедливый приговор уже подписан. Суд его будет коротким. Обсуждать его примитивную душу не будет ни малейшей необходимости. Человеческая элита всегда очень удивляла нас. Здесь уже,

как целую вечность, всё, наоборот. Демон внутри – добродетель снаружи. Тут такие приёмы не работают. В итоге, что мы имеем, Алексей? Ослеплённый светом провалился во тьму, а получавшие тьму были ослеплены светом.

– Лёша, Лёша – дёргал его за рукав Знаток – проснись, друг. Ты чего?

Алексей поднял глаза и с глубокой грустью смотрел на Дикариса. Голос в его голове стих, а слова ударным эхом гудели в сознании.

– Пошли, прогуляемся Знаток? Я так хочу узнать, где же наше Бодро.

7. ЖИЗНЬ – ВОЛШЕБНАЯ ДОРОГА

Ах, дорога. Не понятая величина измерения. Дорога. Ну как же по-особенному это слово звучит. В 18 лет это слово кажется пустым звуком. В 25 оно приобретает туманные очертания и начинает формироваться в тебе. В 35 ты летишь по «накатанной», но всё чаще и чаще задумываешься над этим, с виду простым словом. В 45 ты более-менее ясно начинаешь понимать, весь ужас, таящийся в ней. В 55 лет. Ты смирился. Ты 10 лет учился жить по-новому и в этом возрасте тебе это удалось. В 65... С Богом ты говоришь каждый прожитый тобой день. Тоска.

– Как я без этой чудесной дороги, и как эта потрясающая дорога без меня?

В дорогу домой собирались обыденно. Нисколько не изменившиеся внешне, сильно изменённые внутри. И хотя эти изменения были вызваны разными причинами, все испытывали похожее чувство. Чувство, как будто что-то было сделано не так. Что-то было сделано неправильно. Двое считали, что им не хватило выдержки и смелости, один считал, что ему не хватило такта и сдержанности, и думал, что он послужил только лишь обузой отряду, а другой был так измучен любовью и разлукой, что уже был не уверен в том, сможет ли он когда-нибудь теперь по-настоящему радоваться.

Странно, вы не находите? Победили мега врага, остались

невредимы и добыли следующее предложение из распева – а на душе смятение и разочарование. Ни малейшей удовлетворённости. Господи! Как же это часто случается в жизни!

Привычная утренняя картина отъезда. Окутанный лёгкой дымкой двор, четыре снаряжённые лошади, отметки на карте и не многочисленные провожающие. Обыденной походкой, молча оседлали и, попрощавшись, неспешно развернули лошадей. Напряжённые их угрюмые лица – только это было ново. Казалось, что друзья боятся произнести хотя бы слово. Им думалось, что оно вызовет только лишь раздражение. Даже Гурд без креста был мрачен и так же молчалив, а друзья так ждали от него хотя бы слово. Они всё ждали, когда кто-нибудь бросит шутку по поводу новой меховой шапки Знатока, что теперь, почти полностью скрывала его лицо, но и этого не произошло. Долго не говорили даже о погоде, что не очень удалась. Температура опустилась, а узнавший об этом ветер с радостью прилетел отметить это событие. Он долго недоумевал, почему же его силу чувствуют лишь двое из этих четверых.

Размечали путь, с учётом зимних условий. Время в пути увеличилось за счёт этого. Нужно было ехать там, где можно было быстро найти кров, на случай такой необходимости. А так ничего толком не обсуждали, все были согласны со всеми и во всём.

Победы тоже бывают разными.

Красива природа зимой. Красива она и весной. Очарова-

тельна она и летом и прекрасна-грустна осенью.

Снежок пошёл около полудня. Четыре всадника снизили темп скачки и сейчас не спеша двигались, находясь в самом сердце лесостепи. Дни в дороге летели, как года, и сейчас до Армака – столицы Тёмных Земель – оставалось менее трёх дней пути. Друзья чувствовали себя прекрасно. Никто не устал и все были готовы скакать в седле, хоть сутки напролёт.

Хрустальный дворец – удивительная роща – открылась перед путниками неожиданно. Лишь совершив поворот, она бросилась на друзей, в своём поражающем древнем сказочном убранстве. Алексей был уверен, что от увиденного открыли рот даже лошади. Звенящая тишина в волшебном королевстве исчезнувших друидов.

– Вот это красота! – произнёс Алексей и остановился. Друзья остановились тоже.

– Красота невероятная – согласился Гурд, и все замерли, не сводя взгляда с серебряного бора. Какое-то основополагающее чувство, фундаментальная основа, легко проснулась в их существах. Лёгкое и немного грустное оно резвилось в их красивых телах. Оно крупными мазками рисовало в сознании этих счастливых людей, пейзаж, который был предназначен только для них, и ни для кого больше. Мироздание хранило его, как подарок, что ни купишь, ни за какие деньги. Мироздание ожидало этого дня миллионы лет и ожидание не стало напрасным. Припорошенный сказочный мир

проник в людей, которым он был предназначен, и разбудил в них... нечто настоящее. «Я мыслю, следовательно, я существую» – здесь это высказывание прозвучало бы нелепо. «Я чувствую, следовательно, я существую» – здесь было только это. Вечная жизнь делилась сокровенным, тайным, скрытым. Она заставила душу, что точно находится не в голове, ликовать. Душа же, широко улыбаясь, каталась на каруселях, билет на которые подарило мироздание, провидение, природа, Бог. Никто не собирался ничего выяснять. Всадники не произносили ни единого слова – они не спускали глаз со сверкающего, припорошенного чуда. Неповторимые снежинки, сверкающими переливами летели мимо их неповторимых человеческих лиц. Алексей взглянул на Солнце и по его щекам потекли слёзы-снежинки. Слёзы счастья тоже неповторимы. Все испытывали восторг, но Алексей испытывал нечто совершенное. Блестящим сиянием чистого серебра сверкающее бытие заключило в объятия остолбеневшего. Легко и заботливо уложив истукана в звёздную колыбель, Бог пел ему колыбельную. Алексею казалось, что он воспарил над дорожкой в снегу – Млечному пути. Тело его потеряло массу, и он чувствовал только то, что составляет сущность человеческую. Оболочка исчезла, обнажив сверкающую душу. Они вот-вот сольются воедино. Он и Мир. Он и Вселенная. Хосвод до конца не понимал, что с ним происходит. Он благоговел перед волшебной сказкой на яву.

Друзья, как по команде, вдруг взглянули друг на друга

с теплотой, что размораживает любые сердца.

– Хосвод – начал было Бодро.

– Я что хотел вам всем сказать – перебил его Алексей так, как будто Бодро ничего и не говорил – Я вас всех хотел поблагодарить за бой с чудовищем озера Хартс. Всех до единого.

Лёша с благодарностью смотрел в глаза друзьям. По их выражению каждый понимал, что Алексей не лжёт. И в тот же миг, один, считающийся миллиардами людей и вовсе ничёмным, многотонная ноша Бодро превратилась в пёрышко и покинула его тело и сознание. Великодушие друга его не поразило, просто оно трансформировалось в наглядную, внешнюю, видимую и настоящую реальность.

Уже вечерело, когда показалась окраина деревни, в которой предстояло остановиться на ночь. Полуденный пейзаж одарил жизненной силой в таком объёме, что друзьям казалось, что они передали её часть и лошадям. Никто не устал, а они шли с опережением на два часа. Предупредив старосту о прибытии, друзья расположились в гостевом домике. Простой сельский домишко, с двумя комнатами, четырьмя кроватями и маленькой кухней сразу ожил, как только в него вошли те, по ком эта обитель сильно тосковала. Как только дом наполнился человеческой речью, вся его серость резко исчезла, и он превратился в гостеприимный бурноцветный терем. Казалось, что сейчас и ложки, и поварёшки, и кастрюли и тарелки оживут и весело пританцовывая, начнут

делать своё дело – красиво вышагивать по столу, накрытому яркой скатертью. Шутки и смех задорно пробежали по стенам и стеклам и замерли в каждом углу. Обрадованный таким гостям домовой, не переживая теперь за своё жилище, с хорошим настроением пошёл спать. Спать пошли и поевшие у старосты самые счастливые люди этой неповторимой планеты. Трое из них уснули очень быстро, а Алексей...

По мотиву, который он помнил, как Шуду, Лёша понимал, что сбор песни подходит к концу. Что собрали они два куплета из трёх. Он каждую ночь напевал мотив себе по нескольку раз к ряду и был твёрдо в этом уверен.

Во славу мы когда-то были мальчишками.

Воистину беспечны и малы были мы.

Но вот уже от детства нет следа.

Мы встали на защиту тёмного добра.

Господь милосердный убереги от зла!

Господь милосердный помоги одолеть врага!

Уууу уууу ууууу

Во сто крат превышает легион нас!

Но к победе приведёт Снежный Барс!

Ради холмов и полей наших!

Уничтожим тайшанов падших!

Уууу уууу ууууу

Алексей с удивлением начал замечать, что всегда отдавал все свои силы для того, чтобы собрать распев воедино. Он всегда без остатка отдавался выполнению задачи, и теперь он

был уверен, что на полном ходу летит к своему невосполнимому поражению. И только один вопрос мучил его каждую Божию ночь.

– Господи – это судьба или судьба, сотворённая нами? Он задавал его с таким чистым и настоящим ожиданием ответа, что мир содрогался. Лёша был так чист и искренен, что слёзы катились по его щекам, падая на белоснежную рубашку. Его трясло в кровати, но он приглушал свои страдания, дабы его никто не услышал. Боже! Как он был красив сейчас!

Им любовался Господь! Но другой дороги Он не мог ему дать, ибо дорога эта была его, и свернуть с неё нет ни малейшего шанса. Это судьба, Алексей. Судьба, сотворённая тобой. Господь улыбался, глядя на чёрно-белого Алёшку. Он улыбался, и никогда не сводил своих ясных глаз с Алексея. Целый миг жизни Лёши Отец небесный посвятил только ему.

8. ИЗМЕНЧИВОСТЬ ШУДЫ

Пребывая в отменном настроении, освобождённая и одухотворённая, Шуда летела в свои Светлые Земли. В её изумительном теле и непостижимых чёрных глазах затаилось нечто могущественное и иное. Сияющее солнце в чёрной оправе! Чёрная звезда в серебре! Что-то поднялось внутри неё и встало плотной стеной, требуя какой-то справедливости. Требуя изменить существующий порядок.

– Нужно срочно что-то менять! – кричало внутри недозвольное существо – ну, где же, где же мой ближайший пограничный город?!

Глаза горели страшным огнём, а руны амуниции, вдруг начали слабо пульсировать. Бело-чёрная стрела летела по полям и лесам. Изменённая чёрно-белая Шуда скакала по горам и долам. Её сознание замерло в каком-то странном ожидании. Ни одна мысль не проникала в её голову. Совершенно. Шуда вдруг поймала такое состояние, которое достигают лишь просветлённые. Только ламы. Абсолютное равновесие с окружающей действительностью. Ни тревог, ни забот, ни счастья. Ход лошади и идеальное внутреннее спокойствие. Не прилагая никаких усилий, голова была чиста, как белый, белый Бог. Длилось это довольно долго. Так долго, что Шуда успела странно себя почувствовать. Она, как будто-бы отдохнула душой и ощущала себя непривычно хо-

рошо. Непривычно для повседневности. Шуда была уверена, что подобное в своей взрослой жизни испытывала лишь несколько раз. Всё это мимолётное время, она, «глупо» улыбаясь, только лишь всматривалась в дорогу, проложенную здесь когда-то и кем-то.

– Да у тебя всё хорошо, Шуда – говорила она сама себе – всё у тебя хорошо.

Летающие мимо деревья оборвались, лишив Шуду гипнотической картинки и вырвав из прекрасного забытья. Где-то глубоко внутри проснулись её давние спутники – тревога и боль. Не отчётные сначала, они, с течением коротких часов, всё более и более вторгались в прекрасную Шуду. Маленькая девочка, кем, по сути, являлась лапочка Шуда, тревожилась теперь о том, что не сможет сдержать себя, при разговоре с любимым наместником её городов.

– Сколько же понадобится воли, чтобы не сорваться? – с волнением задавала себе вопрос одинокая владыка.

– Но... Бог?

Что-то невообразимое резко двинулось в её груди и ударило, по существу, так, что чуть не вылетело сердце. Она закашлялась, и из глаз хлынули слёзы. Горло сдавила неведомая сила, не давая и глотка святого воздуха. Шуда прилипла к лошади, обняв её за шею. Её светлая голова двигалась в такт движения, а душа замерла в растерянности. Конечно, Шуда могла дышать, но не могла не рыдать.

– Где я возьму такие силы? – спрашивала она себя – ведь

надо будет изменить всё! Всё!

Вместо переосмысления и мыслей по выстраиванию своей дальнейшей жизни, на Рыцаря Духа накатила злость. Шуда сжала зубы, и вид её был страшен. Её уголёк ярости и чувство справедливости вспыхнули багровым пламенем. Накрутив поводья на кулаки, она сжимала эти ремни так, как будто считала их виновниками всех своих бед. Она готова была дёрнуть их так, чтобы у лошади вылетели все зубы. Все костяшки нежных ладоней засияли белым всё сжигающим светом. А божья справедливость всё не смолкала! Белый свет, от беленьких её рук лез к голове, захватывая тело. Страх и ярость вступили в схватку, и Шуда молилась! чтобы победил первый. Переделать себя оказалось задачей непосильной. Людей, которые могли бы помочь Шуде, у неё не было. Только любимый, но он... Злость нарастала! От переизбытка внутреннего напряжения она закричала, что есть силы, сотрясая белыми ручками.

– Выбранная дорога – Я её не выбирала! – не оставила выбора и это вывело из себя! Внутренняя энергия начала вибрировать, передавая дрожь в шикарное тело. В нём вдруг исчезло всё. Она чувствовала себя сосудом, наполненным лишь запредельной злобой, приправленной добрым намерением. Но приправа эта захлебнулась в кислотном вареве. Итоговое блюдо – есть самый ужасный кошмар!

На горизонте смутно прорисовывалась огромная стена пограничного города. Исполинские сторожевые башни, как

будто созданные гигантами, грозно нависали над местностью. Всё, приближаясь и приближаясь к ним, они всё чётче прорисовывались, выступая из дымки невероятными, ослепительно белыми, стражами-воинами.

Её разглядели загодя. Ещё никогда не было по-другому или несущие караул воины были бы жестоко наказаны. Это кончилось бы, как минимум отсечением руки или выколотыми глазами. Но пока эта дисциплинарная месть, существовала только в виде букв на бумаге устава – главенствующего документа воинов. Никто из них нисколько не сомневался в неотвратимости наказания.

Невообразимые ворота дрогнули, и створки степенно, начали отходить в стороны. Униженные сдачей города без боя этой лилипутке, они, как будто негодовали. Отражённый, от совершенно белого металла, солнечный свет заставил её недобро щуриться. Лошадь почувствовала себя неудобно и начала топтаться, на что Шуда лишь улыбалась. Но улыбка эта была страшна. Внутри бушевала бешеная злость, и владыка до побелевших костяшек сжала рукоять меча. Результат приезда уже более-менее прорисовывался в её светлом сознании.

– Я казню их! Я сейчас казню казнокрадов и лжецов! Кровь их холодная и отвратная будет течь по моим рукам! Я хочу видеть глаза узревших это! Их трусливые, мерзкие глаза!

Шуда несколько вынимала и с силой опускала меч в нож-

ны. Как звук барабана, вводящего в боевой транс, стук рукоятки о ножны передавал праведную силу запредельной мощности. Она чуть ли не выгибала Шуду. Зубы она сдавила с намерением их разрушить, а глаза её пылали огнём, что был ярче Солнца.

– Забыли Господа?! Ну что ж! Сейчас я вам всем напомню о милости Его!

Испуганные лица власть имущих вывели из себя. Силу и энергию, желание справедливости и порядка, тело и разум её, больше сдерживать не могли. Пылая всё сжигающим огнём, Шуда приближалась к главе города и нескольким его помощникам.

К её счастливой случайности, попала Владыка в город Лучайс. Глава отряда собственной разведки несколько раз, в прошлом, ей докладывал о крупных хищениях из казны этого города. Но тогда Шуда не обращала внимания на Лучайс. К тому же времени разбираться с приграничным городом, у неё не было. Теперь же она благодарила бога – светлого или тёмного, ей было всё равно – за то, что он привёл её именно сюда.

– Здравствуй великая владыка – изрёк глава, и раж у Шуды вдруг немного спал, чему она несказанно обрадовалась. Теперь она могла хотя бы членораздельно говорить с ними.

– Приветствую – бросила она – в кратчайшее время собери всю власть в ратуше, в комнате для аудиенций. Помощники пусть идут оповещать, а ты проводи меня до неё.

– Всенепременно – он как полоумный гусь всё кланялся и кланялся изменённой Шуде. Она брезгливо отвернулась от него.

– Почему так грязно на улицах? – спросила Рыцарь Духа, а внутри взорвалась сверхноваяя.

– Ээээ, ммммм...

Глава города понимал, что Шуда почувствует ложь, но что же он мог сказать? Ведь он не сможет сказать ей, что деньги, предназначенные для поощрения уборщиков, были украдены, а чтобы не поощрять, работники были несправедливо наказаны и поэтому они просто отказались работать. Не мог же целый глава города возвращать украденное! Это было немыслимо для него. Его засмеют подельники – самые уважаемые люди этого города! Теперь всё это потеряло всякий смысл. Теперь он был уверен, что Расскажи Шуде только лишь об этом, то он не дойдёт до ратуши. Но вообще посадник уже был практически уверен в том, что следующего утра ему не видать. Как только ему доложили о том, что Шуда подъезжает к городу, он чуть не сходил под себя. В прямом, буквальном смысле слова. Глава города так надеялся, что ей никогда не хватит времени приехать, в как он думал, его город. И когда он понял, что ошибся, то чуть не потерял разум.

Шуда удивлённо смотрела на него. Толстое, противное его лицо тряслось, как холодец. Шуда скривила губы в отвращении. Жирная шея с тремя подбородками была отвратна. Пузо вывалилось из-под одежды и Шуду чуть не стошни-

ло. Нечто двинулось в её груди. Шуда думала, что это нечто должно быть теперь другим, но оно нисколько не изменилось. Открыв свою хищную пасть, оно требовало, кричало во всё существо!

– Вскочи и убей! Ты слышишь?! Вскочи и убей!

Так какой же ты, гнев Шуды? Чёрный или Белый, Алёшка?

Руки заходили ходуном. От ярости Шуда не могла чётко говорить.

– Тты что, не расслышал вопроса?! – в глазах полыхнули белые огненные пожары. Ещё миг и голова его покатилась бы по дороге.

– Вввы ззнаете, раньше было ввсё хорошо. Ммусор исправно убирался – начал заикаться он, но пока не врал, спасая свою тщедушную жизнь – но мммесяц назад уборщики оотказались работать.

Шуда пронзала его нутро неистовым взглядом, но лжи не нашла.

– Почему они сделали это? Их не устраивает плата?

– Ссовершенно, верно, умнейшая наша – вылизывал подошвы посадник, одновременно и вовсе отводя от себя беду. Рыцарь Духа вновь не распознала лжи.

К величайшему, огромнейшему счастью главы города они доехали до ратуши.

– Иди, готовь комнату к совету – кинула вдруг немного успокоившаяся Шуда. Тот, с проворством медведя, взлетаю-

щего на дерево, исчез в здании.

Не успела она спешиться, как к ней спокойно подошёл молодой человек и попросил повода.

– Я позабочусь о Ваших лошадях, несравненная – спокойно произнёс он, и Шуде вдруг стало так горько! Она с грустью смотрела на парня, а внутри была очень благодарна ему. Синие его, красивые глаза бесстрастно смотрели на Шуду. Его движения были вовсе не скованны, а легки и непринуждённы. Они так легко ему давались, что Шуда внутренне улыбнулась.

– В каком сословии состоишь? – легко спросила она его. Уж очень парень ей напомнил себя. Только её движения были призваны забирать жизни, а его помогать людям.

– Я конюх, светлейшая.

Всё равно Шуда немного поморщилась, но что-то в её прошлом отвращении ко всем людям такого типа всё же изменилось. Изменилось прямо здесь, в Богом не забытом городе – на окраине её Земель, здесь, около Богом не забытой, блистающей ратуши, в Богом не забытую Шуду вдруг проникла живительная сила, которой был буквально пропитан этот простой человек.

– Как интересно – подумалось ей – живёт в моих землях, а выглядит, как Тёмный. Но спрашивать его, о чём либо, запретила себе, и ловко спрыгнув с лошади, не взглянув пошла к дверям.

9. ПОСЛАНИЕ СМЕРТИ

Тихий вечер. Приятная истома после хорошего дня, хотя и проведённого в дороге. Отряд подъезжал к очередной деревушке. Это будет последняя ночёвка, перед прибытием в Армак – столицу Тёмных Земель. Ход лошадей замедлили и вели непринуждённую беседу, а Алексею вдруг пришло на ум.

– Как же давно я один?

Изумительный вечер тихо плыл перед глазами. Красивые дома и свет в красивых окнах медленно сменяли друг друга.

– Всю свою жизнь – прозвучал простой ответ. Он несколько не расстроил Алексея и, конечно, не приободрил. Ответ прозвучал, как обычная констатация факта. Как будто иного варианта ответа не существовало вовсе. А Лёша вдруг улыбнулся, позабыв о друзьях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.